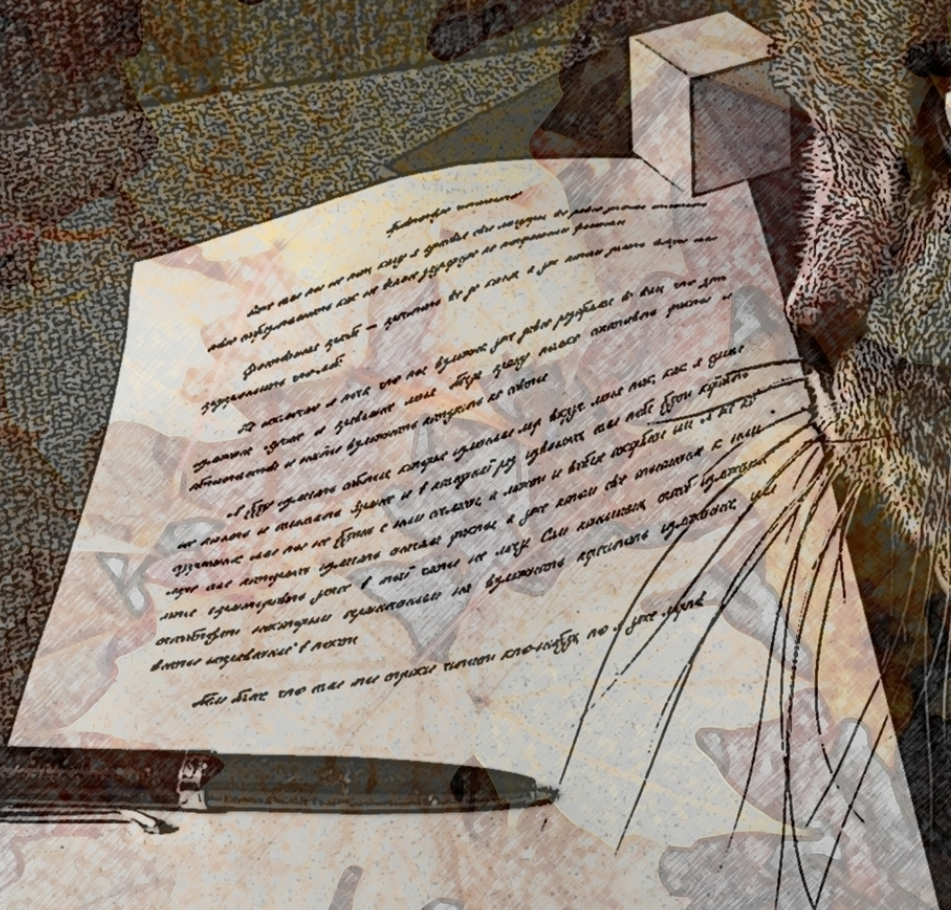

БЫЛО БЫ НА ЧТО ОБИЖАТЬСЯ

Анатоле Тостичев

16+

АНТОН ПОСТНИКОВ

Было бы на что обижаться

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Постников А. Д.

Было бы на что обижаться / А. Д. Постников — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В не столь отдалённом будущем человечество, успешно пережившее вторжение иной цивилизации, существует в едином государстве «всеобщего благоденствия». С помощью приобретённых в результате вторжения технологий удалось разрешить целый пучок глобальных проблем. А ещё появились немногочисленные архонты – очень удачливые люди, которые не стареют и не умирают по естественным причинам. Архонту Старобогатову попадают в руки загадочные дневники «товарища по счастью», чья жизнь неожиданно и таинственно оборвалась. Не без труда разрешив загадку дневников, главный герой оказывается перед более сложной задачей – ему нужно как-то распорядиться полученным знанием, которое одновременно является очень важным и никому не нужным. Словно подтверждая сложность внезапно возникшей перед Старобогатовым головоломки, благополучное общество активно осваивает материально-ощутимое наследие ушедшего архонта, действуя по своим жестоким законам. Первая часть трилогии.

© Постников А. Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Старобогатов	5
Анна	9
Долотов	12
Старобогатов. Аудиенция	15
Отец Никодим	22
Долотов. Похмельное возвышение	25
Старобогатов и секретари	28
Свобода слова	32
Анна решается	38
Старобогатов. Недоброе утро	44
Отец Никодим. Престольный праздник	49
Долотов. Захват духа	52
Старобогатов. Метания	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Антон Постников

Было бы на что обижаться

Старобогатов

Было бы на что обижаться, а обида не заставит себя ждать.

Хорошо, что при всех изменениях, творящихся в мире, осень всё-таки осталась пока. Правда, за давностью лет ее не особо-то и сравнишь с теми, которые были раньше. Но листья желтые, и загорать никто не ломится, так что осень... Сентябрь опять же.

Жизнь на двузначных этажах располагает к созерцательности.

Чувствовал бы я себя несчастным, если бы этого не было?

Вряд ли. Считать по осени мне некого, приливы вдохновения лично у меня – штука не сезонная. Календарь уже лет двести как сам по себе существует и с погодой почти никак не связан.

Можно ли без осени прожить вообще? Да конечно можно. Сотрется когда-нибудь начисто и память о ней, и потребность шуршать листиками.

А сейчас вот смотришь и думаешь – хорошо... Появляются из глубины души мысли отправиться в лес нетронутый, замерзнуть как следует, отогреться у костра огненным чаем, а может еще чем погорше...

Мыльным пузырям подобны эти мысли. Появляются стаями и лопаются одна за другой.

Опыт – штука серьезная. Даже если найдется не сильно искалеченный цивилизацией лес, то или замерзнуть там не получится так, чтобы захотелось сидеть в нем дальше и отогреться, или дождик случится, и никаких костров. Обидно...

Попытки воплотить именно те мечты, которые выстраиваются последовательно, ярко и подробно, с отголосками сопутствующего счастья, завершаются гарантированным обломом. Хотя бы они и казались простыми.

Секрет, я думаю, в том, что витая мыслию в облаках, о неприятностях и превратностях, неизбежно сопровождающих нас по жизни, думать не получается или просто не хочется. Это уже не совсем мечтание, если вожденная осенняя прогулка соседствует в голове с весьма вероятным последующим походом к врачу из-за переохлаждения. Даже совсем не мечтание.

Выходит, что пробовать надо неустанно, работать над воплощением, преодолевать преграды, и получишь ты, неумный человек, свое желаемое – в большинстве подробностей с удовлетворительным результатом, в конце концов.

Но не вдруг, а уже будучи экспертом в области географии осенних полянок километров эдак на сто вокруг и специалистом по кострам на мокрых дровах. Правда, будет полученное не столько желаемым, сколько выстраданным и заслуженным. А это тоже облом.

И стоит опыт аки камень на распутье, так что не объедешь в три дня, и написано на нем всякое. В том числе и то, что меньше хотений – больше радости, а за подарки судьбы всё равно придётся платить.

У Цвейга еще жестче. «Жизнь никогда не дает что-то бесплатно, и всему, что преподносится судьбой, тайно определена своя цена».

Я вернулся к работе. Точнее, не совсем к работе, а как бы это назвать... Удовольствие я получал – тут и сомнений нет, и людей, которые пришли и спросили бы меня, почему я не работаю, тоже не было. Но и любимым делом это точно не являлось. Просто в какой-то момент я стал украшать шахматные фигурки орнаментом. Белые у меня уже давно покрылись скандинавской вязью, а черные как-то не очень ладились. Видимо, сама идея использовать для

украшения слонов узоры, изобретенные в племени борроро, была сгоряча принята мной за удачную.

Зато инструмент был отменный. Резец удобно лежал в руке и был сказочно острым. За все время работы ни одного волокна он не порвал, прекрасно реагировал и на нажим, и на закругление. Так что удовольствие в последнее время сводилось именно к его использованию. Да и спешить было некуда.

Где-то через час от однообразного нарезания маленьких кружочков рядами в глазах стало рябить, мне захотелось размяться. Еще через пятнадцать минут я встал и принялся потягиваться. Сделал я не более пятой части от того, что планировал, и уже ощущал себя виноватым за лень. Статистика последних дней показывала, что сегодня я уже за работу не возьмусь. Может быть, и завтра тоже. Но наводить образцовый порядок в мастерской не хотелось. Для успокоения совести я несколько раз махнул щеткой, сдвинул обрезки на край стола, после чего отправился на кухню.

В конце концов, я никому, кроме себя, не давал обещаний, не ставил никаких сроков завершения художественных трудов, а самообман – дело привычное. Возможно, даже необходимое.

Когда-то давненько я брался предавать бумаге свои воспоминания, мне казалось, это будет как минимум интересно. Потом, по зрелом размышлении, мне стало очевидно, что извергаемый на предполагаемого читателя поток сознания было бы здорово разделить на короткие рассказы, а взаимосвязь событий во всем их хитросплетении положить как широкие мазки на полотно, дабы общую картину было видно только по осмыслению всего – как бы издалека...

Начал я тогда резво. Вставал рано, завтракал, брался за дело и работал подолгу, далеко за пределами приятной усталости. Уже на третьем рассказе стали возникать настолько крутые повороты сюжета и отчаянные психологизмы, что я взялся по-своему подмигивать портретам классиков. И вдруг остыл. Быстро и, наверное, навсегда.

Каждое описанное мною событие обрастало дюжиной, а то и более, следствий, и я просто начал в них тонуть... Попытался представить себе читателя, которому предстоит разобраться в создаваемых мною дебрях – стало жалко и его, и себя.

Хорошо еще, что не объявил заранее о грядущем шедевре словесности. Досадно, конечно, стало мне тогда, что не колодезем мудрости оказался, а так... блюдцем в самом лучшем случае, но утешился быстро. Даже нет-нет перечитываю.

И ведь не от неумения работать такие штуки происходят, на самом-то деле. Если надо, мы вполне себе можем, как говорится. Абстрактные «мы». Не каждый из нас. Точнее так: я и еще кто-нибудь, потому что не могу же я быть такой один. Только вот не надо уже давно. Я не то, чтобы как-то особенно ощущаю эту самую ненадобность. Просто знаю, что она есть.

Вот кухня моя, например, она же столовая. Царство комфорта и изобилия. Княжество роскоши, империя достатка. Немалых усилий стоила в свое время... И что? Яичница, судари мои... Из трех яиц. Желтки непременно должны остаться целыми, дабы вымакивать их свежим хлебушком, и соли должно быть в меру. На мой век пришлось кампании антитабачные, противолимонные, антиалкогольные – много их было, а сейчас вот вошла в моду борьба с солью, хлоридом окаянным. А я буду солить. И лимоны у меня имеются.

Тут же явилась хулиганская мысль, что хорошо бы посолить прямо под заверения активистов о смертельном вреде, который я себе сейчас нанесу, для чего надлежало включить новости. Давненько там ничего интересного не было, кроме этой самой борьбы...

Мимо включил... Видимо, работа заняла значительно больше часа. Новости уже закончились, теперь транслировали жаркий псевдоспор под названием «Историческая правда». Сделал звук потише и принялся есть.

Скучный я человек, однако. Сколько возможностей попробовать что-нибудь этакое, и не напрягаясь, а я все так же ем яичницу. Даже с оттенками злорадства, если честно. Назло

прогрессу и вообще. Для тех, кто помоложе, кулинарные изыски – дело привычное, они росли с этими возможностями, а для меня с утратой труднодоступности хитрой еды ушла и ее прелесть. Обеспечил себе гастрономическую всевозможность, а трескаю простейшее блюдо из яиц от домашних курочек, которые по нынешним временам тоже своего рода редкость и экзотика... Особенно в большом городе.

Доедая, я осознал, что прислушиваюсь к разговору. И даже почти соглашаюсь с человеком, который, запинаясь и волнуясь, излагал свою точку зрения.

«... не доказано, и совершенно беспочвенно утверждать, что технологии, объединенные нами под названием «внешние», получены человечеством в виде традиционных знаний. Для беспристрастного исследователя является очевидным, что они носят дискретный характер и не базируются на принципах, открытых или хотя бы в большей части объясненных нашей наукой. Сама наука претерпела значительные изменения после их внедрения и представляет собой технологический утилитаризм. То есть все больше уклоняется в сторону освоения именно пользовательских особенностей имеющихся в нашем распоряжении устройств, воспринимая само их существование как данность. Легкая, хотя и необъяснимая, воспроизводимость технологических узлов и их общедоступность разрешила большую часть ранее неразрешимых проблем человечества, но при этом породила новую глобальную задачу, разрешимость которой в свою очередь является весьма туманной...»

Я прибавил звук. Заварил чай и с нехорошим предчувствием стал ждать возражений, разглядывая выступающего. Явно его пригласили, как личность, назначенную в жертву. Даже освещение подобрали как-то так, что смотреть на него было неприятно. Говорил он быстро, словно опасаясь, что его могут остановить. Слишком явно переживал и от этого выглядел еще менее убедительно.

«... изменения, которые затронули не только социум, но и среду его существования, носят, по-видимому, необратимый характер. Зона комфорта расширилась настолько, что личности необходимо приложить серьезнейшие усилия для хотя бы приблизительного постижения ее границ...»

Сейчас ему достанется. Крепко и убедительно. В духе покровительственного патриотизма и силы сплоченного общества. Начинается.

«... ну что же? Не нужно быть тонким психологом, чтобы понять, что истинным мотивом попыток героизации неконформистских поступков и убеждений узких слоев населения выступает факт наличия комплекса собственной неполноценности моего оппонента...»

Терпеть не могу такие выражения. Если у тебя грязный зад, а тебе об этом сообщает человек с комплексом неполноценности, то чистым-то он не станет от констатации «факта наличия...». Да и про героизацию я не слышал ничего. Может, раньше было?

Это было очень модно еще во время моей молодости. Поймает кто-нибудь вруна на лжи и говорит – глядите – врун! А тот ему в ответ, а ты, любезный, чудак на букву «М». Вот справка. И все. Вроде и нет вруна. Все смеются. Танцы.

«... внешние технологии были отвоеваны человечеством. Являются заслуженным трофеем и следствием выхода наших великих предков далеко за пределы любой мыслимой зоны комфорта...»

Угу. А еще следствием Вторжения, как такового. И даже в гораздо большей степени. Великих предков у каждой нации долго искать не придется, а такой «трофеем» человечеству достался только после Вторжения.

«... попытки исказить и переосмыслить историю задним числом...»

После этих слов я с любопытством стал оглядывать докладчика. Мозгами осмысливать и переосмысливать нужно, а не «задним числом»... Вот честное слово интересно, откуда такое является миру? Какой орган отвечает у человека за выработку потребности топтать подобного себе?

Почему переосмыслить, кстати? Могу с уверенностью сказать, что даже просто осмыслить ничего толком не получилось. Я, например, не помню, чтобы какая-либо из версий тех грозных событий была возведена в канон, или хотя бы претендовала на это. Да и как ее можно возводить во что-либо сейчас, если современники тех событий, очевидцы, можно сказать, сами ничего так толком и не поняли?

Увидев, что в роли жертвы выступал магистр-архивариус Долотов, я переключился на вид океана.

Надо будет связаться с ним. Высказать поддержку, что ли... Только как-нибудь так, чтобы потом он не ссылался в своих выступлениях на меня. Осторожно. Потому что я тишину люблю. «Твой дом там, где спокойны твои мысли»¹. И еще потому что невезучий он. Это сразу видно. Долговязый, жилистый, нескладный... Любит старину, видимо. Явный фанатик своей профессии, но из тех людей, которым сразу лезут в глаза отрицательные последствия, куда бы он не смотрел. Носит старомодные очки, но при этом запросто может оказаться активистом кампании против соли. И не факт, что вообще пробовал ее когда-нибудь. Умозритель.

Я загрузил грязную посуду в озонатор. После еды тянуло вздремнуть, и я поплелся к дивану. Два часа или больше? Какая разница вообще? Долотову и завтра поддержку выразить успею, если что...

Заснуть толком не вышло. Одно за другим поступили три сообщения, из которых следовало, что у меня запрашивают встреч поэты-гипермодернисты на предмет беседы о литературных традициях и соответствии таковым свежей порции графомании собственного производства, кулинар-реставратор по поводу дегустации клубники, выращенной аддиктивным методом, а также одно частное лицо по личному вопросу, и что встречи эти одобрены.

Следовало же из этого то, что надлежит мне следующие несколько часов посвятить почетным моим обязанностям, а также связаться с Анечкой – уточнить расписание, узнать подробности и высказать пожелания.

Сколько раз уже довелось мне пожалеть о поверхностной откровенности своей при заполнении анкет! Сглупил я, братцы, ох, сглупил... Ежу понятно, что именно выбранные и отмеченные мною интересы (кулинария, литература, музыка) держались и держаться будут исключительно на личных вкусах и пристрастиях творящих и потребляющих, а значит и мои вкусы в этих областях ждут испытания и серьезные, и курьезные, и глупые.

Ежу понятно, а я влип. Хорошо, что только три первые строчки в работу пошли... А то ведь четвертой история значилась у меня, а пятой педагогику я отметил... Могло бы быть хуже, но и так не сладко.

Анечка моя оказалась в дороге, пообещала прибыть через 10 минут, и я побрел переодеться.

¹ Изречение принадлежит Конфуцию.

Анна

Последние семнадцать лет Анна Юрьевна проработала личным секретарем Архонта Константина Игоревича Старобогатова и всё чаще ловила себя на мысли, что долго ей так не протянуть и пора готовить преемницу, а самой начинать сочинять мемуары или стереть память поглубже и рожать ребенка. Архонт одобрил её кандидатуру, когда ей было девятнадцать лет, и тогда его густая с проседью борода хоть как-то соответствовала в ее сознании его фактическому возрасту – триста девяносто два года... А теперь? Старобогатов разменял пятую сотню лет и совершенно не изменился, а она... Она просто прекрасно выглядела для своих лет. Но ведь лет через десять она уже будет выглядеть постарше самого Архонта... Пусть даже и прекрасно.

Последние четыре её предшественницы звались Аннами, больше двадцати лет проработала только одна из них. И дело тут было не в какой-то запредельной нагрузке или скверном обращении. По словам Константина Игоревича, в старину у него был тот еще характер, но сейчас этого просто не чувствовалось. Кипучей деятельности Архонт не вёл, предпочитая уединение и созерцание. Собеседником он был интересным, любил поспорить, но слишком часто оказывался прав.

Собственно, в этом не было ничего удивительного – Архонт всё-таки, вот только область его назойливой правоты время от времени оказывалась слишком личной. Волей-неволей постепенно приходило ощущение, что видит он своего секретаря просто насквозь или даже больше, а противопоставить такому взгляду ей было решительно нечего.

Однажды, в первый год своей работы, Анечка, возмущённая безапелляционным утверждением Старобогатова относительно глупости запрета на публикацию неконструктивной критики, которому он предрек отмену под благовидным предлогом лет через пять, предложила ему заодно угадать на что похожа родинка на её заднице. В ответ же он только улыбнулся и тихонько сказал, что придёт время – и он обязательно на неё внимательно посмотрит, нечего тут гадать.

С запретом на неконструктив всё действительно вышло как-то криво. Смысл его сводился к тому, что человечество, получившее возможность обнародовать мнение каждой отдельной личности без каких-либо препятствий, постепенно, но верно утопающее в потоках некомпетентных высказываний, пошлятины и злобы, попыталось законодательно ограничить возможность публикации откровенных оскорблений, лжи и глупости, вводя за это наказание в виде информационного клейма. Поддержка со стороны общества была колоссальной, да и сама Анечка была среди ярких сторонниц нового правила. Ограничить возможность публикации как таковую технически уже было невозможно.

Для реализации запрета была создана самообучающаяся программа. Но уже через неделю какой-то остроумец её легко обманул, придав популярному среди хулиганов «убей себя об стену», форму предложения «для достижения наилучшего эффекта автору следовало бы столкнуться с твердым препятствием в виде стены». Клейма он при этом не получил, а только обрел массу последователей. Программу пришлось спешно перенастраивать.

Обновленная программа слишком болезненно реагировала на любые пожелания и советы, так что в самое короткое время информационное клеймо прилепилось к огромному количеству людей и на такие отметки просто перестали обращать внимание. Ругатели же соревновались в том, чтобы набрать побольше подобных регалий. Программу продолжили латать, а она в отместку отметила своих администраторов как людей недостойных внимания и постоянно лезущих не в своё дело. Пестрели позорными знаками распорядители и чиновники всех уровней. В результате, как это очень часто бывает, вчерашние сторонники запрета обратили свой гнев сначала на его исполнителей, потом на инициаторов, а в конце концов и на сам запрет.

Приглашенные специально для сохранения лица Объединённого Правительства знатоки действующих законов, недолго думая, инициировали судебный процесс якобы от имени одного из Архонтов, результатом которого стала отмена запрета как акта, нарушающего основополагающие права личности – такие, как равенство и свобода слова, существовавшие задолго до Вторжения. Запрет оставался в силе четыре года, десять месяцев и тринадцать дней. А главное, после его отмены стали как-то меньше гадить в информационное пространство, видимо романтика непослушания ушла.

Помнится, тогда Анечка готовилась к насмешкам, но Архонт даже не вспомнил о прошлой её дерзости. Возможность рассмотреть родинку Старобогатов к тому времени уже получил...

Её никогда особенно не интересовало, как именно он догадывался о будущих событиях, было ли это своего рода озарением или плодом долгих размышлений. Проявлениям любопытства здорово препятствовало то, что Константин Игоревич уже точно кому-то всё это уже объяснял и, скорее всего, не раз и не два, можно было бы и в отчётах предшественниц посмотреть. Но не очень хотелось наткнуться на неоспоримое доказательство собственной предсказуемости и ординарности.

То, что касалось только их двоих, он выразил настолько прозаично, что Анне Юрьевне стало даже немного обидно. Тогда было сказано, что это самое обычное и естественное развитие событий между двумя разнополюсными людьми, которым нечего делить и есть о чём поговорить. И ещё было сказано, что, к сожалению, недолг век такой любви.

При всём сказанном выше Старобогатов грубияном вовсе не был. Он прекрасно чувствовал настроение собеседника – редко кто оказывался им обижен, но уж если и высказывался резко, то по делу.

Лет пять назад один очень галантный поэт с томным взором и манерами аристократа красиво, не торопя события, ухаживал за Анечкой, делая вид, что не знает, с кем имеет дело. Он читал ей свои глубокие и красивые стихи, дарил настоящие живые цветы. Восхищался тонким литературным вкусом собеседницы и не менее тонкой талией. После трёх месяцев знакомства Анна уже совсем было поверила в его бесконечную и неземную любовь, тем более, что Старобогатов, видимо, не пытался её удержать, если не зная, то уж точно догадываясь о новой влюбленности своей помощницы.

Трудно было не догадаться, если честно. Анечка сменила и причёску, и гардероб. Вместо длинных русых волос обзавелась модной тогда двухцветной стрижкой. Новые наряды её настолько откровенно подчеркивали воспеваемые поэтом достоинства фигуры, что от количества мужского внимания вполне определенного свойства ей стало даже не по себе.

Тогда же «узнав случайно», что предмет его обожания – личный секретарь Архонта, влюблённый поэт вкрадчиво попросил замолвить словечко за своё творчество. Анна не раздумывая воспользовалась служебным положением. Во время встречи с поэтом Старобогатов попросил её принести свое расписание. Анечки не было в комнате не больше минуты, но в дверях она столкнулась со взъерошенным существом с дрожащими губами, в котором с трудом угадывался её галантный кавалер. Скомкано извинившись, ухажер удалился. А через пару невнятных бесед исчез навсегда, так ничего и не объяснив.

Обратив своё недоумение в гнев на начальство, Анна Юрьевна заявила, что обидеть поэта может каждый, что сводить счеты с человеком, пользуясь своим положением и оскорбляя его творчество только за то, что им обоим нравится одна женщина – низость. И только тогда Архонт молча положил перед ней старинную потрепанную книгу Ивана Козлова, где обнаружилась большая часть лирики поэта с томным взором. На вопрос Анны, почему он не объяснился сразу, Старобогатов попросил разрешения не отвечать, по крайней мере, сразу. Если будет актуально месяца через три – обещал объясниться. И снова угадал. Книгу она прочла,

всплакнула над историей жизни слепого поэта – настоящего автора поразивших её сердце стихов, и уже сама не хотела бы тратить время на разговоры о случившемся.

Вообще же литераторам Константин Игоревич, можно сказать, благоволил, даже если заимствование формы изложения в их творчестве было очевидным. К содержанию тоже не имел обыкновения строго придирается. Прочитывал всё, что приносили, запоминал многое, и если в произведении обнаруживалась хотя бы малая часть собственного творчества автора, Архонт наделял его советами насчет обогащения языка изложения, подкидывал темы и повороты сюжета, которые, казалось, возникали у него на лету и отпускал окрыленным. Только совсем откровенным плагиаторам в молчании и с брезгливым видом демонстрировался первоисточник.

Он искренне полагал, что тот, кто хоть немного задумывается над тем, что пишет, волей-неволей думает и перед тем, как что-то сказать, а это уже хорошо.

С кулинарами дело обстояло сложнее. Составителям роскошных коктейлей или изобретателям кустов, на которых росла сразу жареная картошка, вместо оценки вполне могла быть дана рекомендация попробовать нормальную яичницу. Впрочем, форма этих советов была, как правило, достаточно мягкой.

Анна Юрьевна со вздохом в десятый раз перепроверила материалы для предстоящих встреч. Всё было на месте. В принципе, достаточно было бы доставить это в приемный зал, но обычно она поднималась к Архонту и всё приносила к нему домой. Старобогатов молчаливо поощрял именно такой способ, а приемному залу часто предпочитал отдаленный домик в лесу, куда ещё надо было добираться минут десять пешком через лес или столько же времени на машине, петляя по извилистой дороге.

Просматривая файл о частном лице, запросившим встречу с шефом, Анечка ощутила нечто отдаленно напоминающее ревность. Судя по фотографиям, частным лицом являлась жгучая брюнетка, именуемая Кассандрой Новиковой, лет двадцати пяти, от силы тридцати, с огромными тёмными глазищами на смазливом лице. «И что ей могло понадобиться? Личный вопрос у неё, понимаете ли...» – тихонько проговорила сама себе Анечка.

Большинство личных вопросов к Архонтам сводились к просьбам об участии в производстве потомства и заверениям в самых благих намерениях просящей стороны. Константин Игоревич на её памяти еще ни разу не давал согласия. Ну а вдруг, чего доброго, понравится именно эта?

Анна Юрьевна искренне полагала, что беспокоить Константина Игоревича по таким пустякам, как три ягоды на дегустацию и несколько страниц странных рифмованных текстов вообще не стоило. Нормальный опытный секретарь и сам бы справился. Точнее, сама. А личное дело могло бы и подождать...

Размышляя о том, стоит ли делиться своими мыслями с Архонтом сегодня, Анна Юрьевна вошла в старомодный лифт, внутренность которого украшали многочисленные наклейки с лозунгами против употребления соли, и нажала на кнопку.

ДОЛОТОВ

За несколько сотен километров от лифта с Анечкой старший магистр-архивариус Андрей Леонидович Долотов в своем кабинетике героически боролся с желанием извлечь из винного архива бутылку водки и выпить её залпом. После прямого эфира в груди было тесно, в кармане лежал неизвестно как туда попавший неподписанный контракт на участие еще в пяти таких же безобразиях, а перед ним на столе располагался куб (нейроинтегрирующийся преобразователь универсального назначения) и клавиатура, на которой ему надлежало набрать или объяснить по поводу участия в «Исторической правде», или заявление об увольнении по собственному желанию. От водки же, по идее, должно было стать легче.

По возвращении с эфира он был незамедлительно вызван к заместителю заведующего архивом и подвергнут невероятному разному. Брызжа слюной и волнуясь брюхом, замзав обвинил его в желании прославиться, опозорив при этом родной Архив – уникальную научную организацию, репутация и добрая слава которой создавались веками... Он требовал молчать и официального опровержения. Он давно присматривался и убедился в полной некомпетентности Долотова ещё до приема на службу. Он не собирался позволять всякому возомнившему себя светилом науки рассуждать о правде, а тем более о правде исторической в контексте искажения общепризнанной объективной действительности, которая является частью идеологического фундамента общества. Расшатывание же основ, предпринятое жалким ничтожным существом, возомнившим себя историком, ещё надлежало проверить на предмет уголовной наказуемости. И пусть усвоит себе существо это, что заступаться за него никто не будет. Словом, нёс громогласный начальственный бред самого отвратительного содержания.

Долотов, который сначала пытался было возразить, что ему в эфире просто не дали рта открыть в свою защиту, быстро устал и сник, а потом, не дослушав, встал и, пошатываясь, пошел к себе под истошные вопли руководства, отражающиеся от гладких стен, как будто специально предназначенных для этой цели.

Первой мыслью его было написать внушительную объяснительную записку, дабы положить её на стол заведующему Архивом, и он даже начал её печатать, но скоро беспросветно увяз в словах. Потому что невозможно сочинить что-нибудь серьёзное, ощущая себя дураком. Ну кем ещё можно себя чувствовать, если после твоего вступительного слова тебе сразу же зачитали приговор, а тщательно подобранные статистические данные, тезисы и аргументы вовсе не прозвучали...

Разве мог он предположить, что даже такое интересное явление как вариативное отсутствие физического объема куба, погруженного в жидкость, не дадут описать? Вместо этого в прямом эфире прозвучали комментарии обо всех возможных видах и формах его, Долотова, неполноценности, а после окончания эфира ведущий сообщил, что делает рейтинг, и предложил продолжить в следующий раз, если осталось, что поведать миру. Судя по подsunутому контракту, рейтинг окреп и вырос. Долотов невесело усмехнулся возникшим ассоциациям.

Разумеется, о подобных особенностях прямого эфира нетрудно было бы узнать заранее, но ведь он-то не узнал. Даже не задумывался об этом. Речь шлифовал, зубрил как перед экзаменом, демонстрацию необъяснимого готовил, статистику собирал, а куда идёт – толком и не выяснил. Дурак и всё тут.

Архивариус набрал полный стакан воды и осторожно поставил на стол рядом с кубом. Потом подул на него и медленно опустил в стакан. Уровень воды в стакане не изменился, на стол не вылилось ни капли. Ему ещё сильнее захотелось водки, а ещё – посмотреть на рожу ведущего, перед которым был бы проделан такой фокус... В голову лезли обрывки несостоявшегося выступления.

«... Таким образом, универсальный преобразователь, как мы видим, занимает определенный объем привычного нам трёхмерного пространства, но он одновременно и не занимает никакого объёма, а точнее, может занимать при соблюдении определенных условий...»

«Увольняться надо, – бухнуло в голове Долотова. – Даже если главный заступится, замзав всё равно жизни не даст, доступы поотбирает, зачем тут сидеть тогда?»

«... Следовательно, мы можем утверждать только то, что данное устройство может быть обнаружено в определенной точке пространства. Вернее, мы можем вступить с ним в контакт по определенному адресу. Насколько мне известно, в настоящее время не ведется ни одного исследования данного феномена, хотя изучением энергетического потенциала куба занимаются независимо одно от другого около пяти тысяч учреждений...»

Куб запросто может вытеснить воду в объёме, равном его метрическому размеру. Для этого достаточно соединить с ним любой другой объект сколько-нибудь значимого объема, скажем, положить на него песчинку. Можно просто внимательно подумать о нем как о куске какого-нибудь понятного вещества – железа, например, тогда и песчинки не надо, хотя с ней проще, конечно.

Эффектно было бы... Но не факт, что удалось бы пронять аудиторию, да и замзава тоже. Вывод-то какой из этого следует? Хотелось бы, чтобы общество выразило интерес к исследованию природы преобразователя, попыталось бы овладеть первоначальной технологией, начало задумываться над его влиянием на судьбу человечества. Это хотелось бы. А получиться может и так, что старший магистр-архивариус окажется объявлен выжившим из ума, потому что кубы в воде полощет и призывает всех удивляться... Макака с бананом.

С другой стороны, способность кубов к делению, или дубликации, как это было принято называть в научных кругах, – явление ещё более удивительное, хотя никто ему не удивляется. Лежит себе кубик, его берут с места, а он и остается на месте, и оказывается в руке. И вот их уже два.²

Никогда бы не вязался Долотов в такие приключения, если бы не авторитетнейший Архонт Сидоренко, по прозвищу Ветеран, один из пяти донныне здравствующих людей, похищенных в первый день Вторжения и вернувшихся с Победой в День Пятый. Именно у него архивариус набрался сомнений, именно Ветеран показал ему фокус с водой и кубом и подтолкнул к мысли отправиться в прямой эфир.

Правду сказать, немалую роль сыграла в этом и секретарша Архонта, в присутствии которой думалось не очень продуктивно, а хотелось расправить плечи и выглядеть мужественно и неустрашимо.

Можно было бы сослаться на Ветерана, и отстал бы замзав, а главный, может, похвалил бы даже, но ведь выступление-то провалено... Разве Архонт опозориться его подговаривал?

² Первый известный науке случай дубликации очень подробно описан доктором Нортоном. Он произошёл через месяц после Победы в День Пятый Вторжения. Доктора Уильяма Нортона допустили к работе с наглухо засекреченными трофеями, которые доставили на Землю вернувшиеся в родные края похищенные. К тому времени он был безнадежно болен раком поджелудочной железы. После двух недель, проведенных рядом с кубом, доктор внезапно почувствовал облегчение, а еще через неделю анализы показали, что он полностью здоров. Единственный сын Нортона в то время находился на грани смерти, получив несовместимую с жизнью дозу ионизирующего облучения на одном из военных заводов. Запрашивать официального разрешения на использование образца в личных целях было некогда, да и вряд ли бы оно было получено. Поэтому однажды доктор просто взял преобразователь, твердо решив вынести его за пределы лаборатории и отправиться к сыну. Он так и поступил, но куб остался на месте и одновременно оказался у него в руке. Неожиданно легко он вынес устройство через многочисленные посты охраны и доставил в госпиталь к сыну, там деление куба продолжилось пропорционально количеству больных, которые к нему прикасались... Довольно быстро об этом донесли куда следует, но забрать целебные кубы у болящих не получилось. Чем бы не забирали их и в каких количествах – устройства оставались на месте. Госпиталь превратили в режимный объект, его обитателей вывезли, но дальше дубликации пошли уже сотнями и тысячами. После восьми лет безобразных и неудачных попыток взять этот процесс под контроль, власти сдались и громко объявили Трофей достоянием человечества. Поэтому сейчас дубликацией никого не удивишь.

Долотов ощутил прилив омерзения к себе, переходящий почти в тошноту, и злобно хлебнул из стакана, не вынимая из него преобразователь. Глотку обожгло, огонь комком скатился вниз, на глаза навернулись слёзы. В посудине оказалась водка, ледяная и, похоже, пшеничная. Закусить было нечем и он принялся усиленно дышать с открытым ртом. «Получил, что желал! – яростно подумал архивариус. – Чем же это такую гадость имели обыкновение заедать наши великие предки, а?»

Разные водки он пробовал всего однажды, в гостях у Ветерана. Запивал газировкой. Ничего другого про тот вечер он не помнил. Внезапно ему стали совершенно безразличны прямой эфир, замзав и позорное выступление в прямом эфире. Выдохнув и закрыв глаза Долотов глотнул ещё раз и откинулся на спинку кресла.

Архонт намекнул, а он сделал как сумел. Ясно же, что Ветеран и сам выступить мог, кто бы его перебивать стал? Молчали бы и слушали все. Стоило только захотеть. Был у них однажды разговор на эту тему, но почему Сидоренко сам не захотел выступить, архивариус так и не понял.

Долотов вылил в себя остатки жидкости, закашлялся, выложил куб на стол. Разместив руки на столе, а подбородок на руках, скосил глаза и стал его пристально разглядывать. Запиликал сигнал вызова к заведующему. «Наверняка главнюку уже настучали про всё... Ну и пусть... В самогонщики пойду», – подумал он.

С близкого расстояния фокусировать взгляд на кубе оказалось непосильной задачей – он всё время пытался раздвоиться. Долотову вдруг стало смешно от такого любопытного способа умножения коварных девайсов и от внезапно стукнувших в голову перспектив по производству алкоголя, он стал подхихикивать – сначала тихонько, потом всё громче.

В конце концов, когда дверь открылась, и в кабинет втиснулся профессор истории и архивной деятельности, действительный член Объединенной Академии наук и по совместительству почетный президент двух обществ трезвости, а также председатель еще одного, заведующий Архивом С.С. Эсперанский, старший магистр-архивариус Андрей Леонидович Долотов встретил его тонким, судорожно задыхающимся визгливым смехом и безвольным кулём сполз под стол.

Старобогатов. Аудиенция

Судя по конструкции вопроса, который задавали мне поэты – два тощих молодых человека, предметом беседы являлась не художественная ценность их произведений, а то, можно ли считать их творчество продолжением неких древних литературных традиций.

Вот и славно. Потому что не нравились мне представленные опусы. А гости смотрели на меня с сыновней любовью и жаждали откровения. Они были очень похожи, только вокруг одного был намотан шарф, напоминающий скорее орудие самоубийства, чем предмет одежды, а другой вертел в руках здоровенный канцелярский дырокол, который он зачем-то притащил с собой. Похоже, считал сей механизм непременным атрибутом древних акул пера.

Я разразился пространной речью об исторических реалиях, в которых зародилось творческое объединение ОБЭРИУ, а также о том, что для актуального переноса формы и смысловой нагрузки сквозь столетия им совершенно необходимо внимательнейшим образом реалии эти изучить. Попытаться писать на бумаге огрызком карандаша. В неподходящих местах, например, в общественном транспорте, лучше стоя. Залезть в шкуру голодного и неустроенного в бытовом плане творца, жаждущего постоянного обновления, а уже потом транслировать эти ощущения в день сегодняшний.

Только так – вещал я – вы сможете справиться с благороднейшим делом переноса зеркала бурной эпохи сквозь толщу времени.

Когда они ушли, а до прихода кулинаров оставалось ещё минут десять, Аня моя высказалась в том духе, что я, даже не особенно маскируясь, попытался занять на будущее руки гостей моих трудом тяжким и долгим, дабы не встречаться ещё раз с их творчеством. Почему же прямо им не сказать, что они бездари?

В ответ я предложил ей придумать хотя бы пару строк в духе сочинения юноши с дыроколом:

Латинским говором приговор
Тревожит судей в саду идей.
Бежали тени в минувший день
Я здесь ни эллин, ни иудей.
Не вор...

– Как же, как же... – усмехнулась Аня. – Богово логово, хворые вороны, около сокола, ага...

Ершистая она сегодня какая-то, не иначе влюбилась куда-нибудь снова или увольняться надумала.

– Это очень непросто, уверяю тебя. А трудом они и так заняты. Это во-первых. А во-вторых, меня об этом не спрашивали. Знаешь, почему так легко уязвить любого, кто пытается найти себя в каком-нибудь искусстве, или даже просто донести свои мысли до окружающих? Потому, что это частица себя, отделяемая бескорыстно и отдаваемая на суд многим. Не мне определять их пути. То, что они пишут сейчас – довольно слабо в общем и целом, но ведь «на земле нет ничего хорошего, что в своём первоисточнике не имело бы гадости», как говорил гениальный Антон Павлович. Может быть тот, с дыроколом – будущий блестящий специалист по искусству переходных периодов, а второй когда-нибудь объяснит мне, что на самом деле творилось в голове у Введенского...

– Насчёт бескорыстно – это про самодеятельность? – не без яда переспросила Аня, намекая на старательно выставленное напоказ и не менее старательно обсуждаемое богатство известных и популярных – И, кстати, зачем тебе голова Введенского?

– Насчёт бескорыстно – это про честное творчество. Оно может продаваться хорошо, может плохо, но оно честное, это чувствуется. А вот когда человек творит с расчётом на при-

знание или размер вознаграждения – это почти всегда ремесло, то есть уже не совсем творчество. Продукт развлекательного назначения. Исключения бывали, но это настоящая редкость. А про Введенского – долго объяснять. И я не уверен, что получится. «Всякий человек, который хоть сколько-нибудь не понял время, а только не понявший хотя бы немного понял его, должен перестать понимать и все существующее».³ Кажется, так. На тему того, что он имел в виду, можно долго рассуждать, не правда ли? Потом. Мастер клубнички на подходе.

Но это не был кулинар. В комнату стремительным шагом вошла молодая женщина, я не сразу узнал в ней Кассандру Новикову. Глаза её были широко открыты, но взгляд совершенно отсутствующим, губы растягивала неестественная улыбка, в руках она до белизны в пальцах сжимала три толстых и солидных блокнота. Вообще-то она была красива, гораздо красивее, чем на фото, и это было видно даже сейчас, когда весь вид её говорил о недавно перенесенном сильнейшем потрясении.

– Константин Игоревич! – ее голос прозвучал как струна, которая вот-вот лопнет. – Последняя воля Архонта Ильи Петровича Сидоренко состояла в том, чтобы сразу же после его смерти эти дневники были переданы вам! Я исполняю его волю...

Кассандра не без труда разжала пальцы и положила блокноты передо мной. Анюта метнулась к ней, взяла под руку и аккуратно повлекла на диван.

Вот это дааа... Новость была, мягко говоря, необычной. Я не поддерживал тесных контактов с Ильей, он всегда казался мне несколько странным, неестественным что ли. Сколько я его, или, точнее сказать, про него знал, он слыл бесшабашным богатеем, разухабистым пьяницей, весельчаком и невероятным бабником, безобразничал красиво, образцово-показательно и постоянно, проявляя при этом чудеса изобретательности. Мне это казалось чистойшей показухой, но ничего иного, заслуживающего доверия, я про него не знал.

Незадолго до сегодняшнего дня, например, он внезапно выступил с совершенно невозможной по теперешним временам инициативой возобновить промышленное производство вина и прочих веселящих напитков, а для их общей доступности открыть соответствующие их свободному обороту заведения. Он был не только Архонтом, но и одним из ветеранов, непосредственных участников Победы, поэтому ему сходило с рук всё его бесконечное эпатажное хулиганство.

Видимо, не такое уж бесконечное, подумал я. Или, может, не сошло...

А вот теперь оказывается, что он дневник вел, да еще и рукописный, и записи эти попали ко мне при обстоятельствах совершенно невообразимых.

Я посмотрел на Кассандру. Словно проглотив аршин, сидела она на диване и смотрела прямо перед собой невидящим и немигающим взглядом, сжимая в руках стакан с водой. Рядом стояла растерянная Анюта.

Рассудив, что сейчас ничего от Кассандры добиться не получится, я взял со стола аддитивную клубнику и вышел из комнаты в приемную, где томился кулинар-реставратор. Рискуя подавиться, я быстро съел мясистые ягоды прямо на его глазах, изображая искреннее удовольствие – они действительно оказались очень даже недурны на вкус, только почему-то без семечек. Я незамедлительно поделился с мастером своими ощущениями, изрядно их приукрасив. Смутьившийся от похвалы кулинар сообщил, что в отсутствие семечек и есть главная идея, я выразил удивление, пожелал успехов, и мы расстались.

К моему возвращению в комнате мало что изменилось. Разве что Анечка моя теперь сидела рядом с Кассандрой и гладила её по волосам, а в стакане стало чуть меньше воды.

Понаблюдав за ними с минуту, я решил, что Кассандре лучше дать ещё какое-то время, чтобы прийти в себя, переглянулся с Анютой, взял со стола блокноты и вышел в комнату для посетителей.

³ А.И. Введенский. «Серая тетрадь».

Дневники были пронумерованы римскими цифрами. Я устроился у окна и осторожно открыл первый. На форзаце блокнота чертёжным шрифтом были записаны несколько имён и адресов. Список завершали моя фамилия и координаты, все расположенные выше были аккуратно зачёркнуты. По крайней мере два имени из списка тоже принадлежали Архонтам – Сологубу и Рубинштейну, ещё двух адресатов я не знал.

Дальше обнаружился вложенный листок следующего содержания:

«Дорогой друг! Я очень надеюсь, что записи мои доставлены Вам в соответствии с моими пожеланиями, то есть сразу после того, как я отправился в мир иной. Обстоятельства, побудившие меня поступить подобным образом, Вы, возможно, сможете найти, внимательно изучив предлагаемые тексты. Искренне надеюсь на Ваше терпение и любознательность. *In vino veritas!* Петрович.

P.S. Если мои блокноты всё-таки попали в Архив, убедительно прошу переслать их по последнему действительному адресу, будьте людьми...»

Предположить не мог, чтобы Илья увлеклся каллиграфией. Письмо было взято в замысловатую рамку, явно сделанную без помощи чертёжных принадлежностей, сами буквы были выведены безупречно. Последний раз я видел нечто подобное в музее.

Хорошенькое начало, ничего не скажешь... Я отложил записку в сторону, перевернул страницу и увидел стихотворение, под старательно и красиво изображенным номером 1. Назывался стих «Скажи, вино». По-моему, это песня такая была, лет триста назад, а то и больше. «Скажи, вино, зачем я пью прохладу терпкую твою...». Довольно популярная в своё время. Кроме текста этой песни ничего на странице не было. И не лень ему было...

На следующем развороте красовались уже два стихотворения. Под номером 2 - текст песни «Вино, кино и домино» с часто повторяющимся припевом, а третье было озаглавлено «Кюммель». В качестве автора третьего по счёту стиха был указан М.Ю. Лермонтов. Я пробежал его глазами.

Но без вина что жизнь улана?
Его душа на дне стакана,
И кто два раза в день не пьян,
Тот, извините! – не улан.
Скажу вам имя квартирьера:
То был Лафа буйан лихой,
С чьей молодецкой головой
Ни допель-кюмель, ни мадера,
И даже шумное аи
Ни разу сладить не могли;
Его коричневая кожа
Была в сияющих угрях,
И, словом, всё: походка, рожа,
На сердце наводили страх.
Надвинув шапку на затылок,
Идет он... все гремит на нем,
Как дюжина пустых бутылок,
Толкаясь в ящике большом.
Шумя как бес, он в избу входит,
Шинель скользя валится с плеч,
Глазами вокруг он косо водит,
И мнит, что видит сотню свеч:
Всего одна в избе лучина!
Треща пред ним горит она;

Но что за дивная картина
Ее лучом озарена!
Сквозь дым волшебный, дым табашный
Блистают лица юнкеров;
Их речи пьяны, взоры страшны!
Кто в сбруе весь, кто без штанов,
Пируют – в их кругу туманном
Дубовый стол и ковш на нем,
И пунш в ушате деревянном
Пылает синим огоньком.

Действительно, Лермонтов. Только не «Кюммель» это никакой, а отрывок из хулиганской поэмы «Уланша». Да и в самом тексте «кюммель» с ошибкой написан – пропущена буква «м». Отрывок, кстати, даже можно назвать относительно приличным, может его тоже распевали когда-нибудь...

Я пролистал дневник. Почти половину его занимал весьма своеобразный сборник песен и стихотворений разных лет и эпох на винно-водочную тематику. Первые двадцать четыре Ветеран нумеровал, потом перестал.

Далее следовали рецепты и технологические выкладки по приготовлению напитков в алфавитном порядке: абботс, абрикотин, абсент, аверна амаро и т.д.

Первая мысль, на которую меня натолкнуло это чистописание, сводилась к тому, что Петрович допился до чёртиков, отчего и помер. Правда, версия эта совершенно не вязалась ни с формой, ни с содержанием записки, которую я прочитал. Высокий штиль от записного алкоголика. Почти афоризм. Может быть, записка была составлена давно?

Я изучил её ещё раз. В правом нижнем углу рамки в виде виньеток можно было угадать вчерашнее число. Талант не пропьёшь? Как это говорилось-то? «Мастерство не пропьёшь, а мастерскую – запросто». Но руки-то вряд ли будут хорошо слушаться, если заливать глаза чуть ли не каждый день, так что отбрасываем версию, не проходит она. Блокнотики, кстати, без следов частого использования. Как новенькие. Стало быть, и в песенник этот, и в рецепты автор не особенно часто заглядывал. Тогда зачем это все так любовно собиралось в одном месте?

Я тихонько подошёл к двери и осторожно заглянул в гостиную.

Кассандра беззвучно рыдала. Она повалилась на Анечку, та сидела в очень неудобной и напряжённой позе, судя по всему, спина у неё затекла, гладить роскошную чёрную шевелюру было жутко неудобно, но она держалась... Добрая она у меня всё-таки.

Интересно, где он взял такие блокноты? Бумага толстая, плотная, свежая. Сейчас такие не часто встречаются. Электронный век... Спецзаказ? В любом случае, в конце должна быть дата выпуска. Так, вот, на последней странице... Сделан в позапрошлом году. Как и два других. Стало быть, они и есть новенькие. Это элементарно, Ватсон. И что же из этого всего следует? Да что угодно...

Надо бы всё-таки расспросить Кассандру. Может, все это под диктовку написано? А вензеля-завитушки? Не похоже... Готов поспорить – рука мужская. Да и кто сейчас чертежным шрифтом пользуется вообще?

Я продолжал листать блокноты, пока не услышал глубокие вздохи из соседней комнаты. Видимо, слезы у Кассандры заканчивались. Дверь была приоткрыта, было видно, как Анна встала и с наслаждением выпрямилась. Кассандра извлекла откуда-то платок и принялась промокать им свои опухшие глаза. Анечка принесла ей еще воды.

– Ну, как вы? – спросила она, передавая стакан Новиковой.

– Не... знаю, – ответила та в промежутках между судорожными вздохами, – вроде... полегче, не... не понимаю... пока.

– Как это случилось-то вообще?

– Не знаю... – повторила Кассандра, протяжно всхлипнув. – Он вообще последние лет пять... странный был какой-то... Может и дольше... То пил не переставая, то... по институтам... каким-то ходил. Или возьмёт и вообще неизвестно куда сгинет на несколько дней... А то, бывало, к нему... таскались всякие, молодняк в основном... так он их пойлом своим накачивал до полной неподвижности... Пистолет завёл какой-то древний, камин чуть ли не каждый день зажигал, даже летом и то топил! Камин у нас огромный, устроит в нем пожар и сидит, в огонь смотрит... Гробы какие-то натащил в дом... В смысле, аппараты научные... Возился с ними... А потом снова пил... Я уже и намекала, и уговаривала, что поменьше бы, яд всё-таки, а он только смеялся... Говорил, ещё какой яд! Первый сорт отравы, говорил...

Анечка увидела меня и стала корчить гримасы, которые должны были означать, что входить нежелательно. Я бесшумно подался назад, но дверь не закрыл.

– Вчера позвал меня и попросил при любых обстоятельствах завтра к вам эти блокноты доставить... Что бы ни произошло, сказал. Как бы плохо и страшно не было. И на приём меня записал сразу же... Зашла я к нему сегодня, а он уже...

– Это получается, что он заранее знал, что ли? – удивленно спросила Анна. – Или...

– Знал, точно знал... Мне кажется, он даже цель себе такую поставил... Жить ему что ли надоело... а может наскучило... или ещё чего... Он во все передраги ввязывался, куда только мог... Может, слышали – несколько лет назад банда одна была... «Клептоманцы» вроде назывались... Ну, те, которые в полицию потом в полном составе явились бритые и с вещами сразу... и кучу краденого с собой привезли... Его рук дело... Он их ночей пять подряд находил, где бы они... ни были и лупил до полусмерти... Под утро приходил домой... Только он мне запрещал про это говорить... пока живой был...

– А вы с ним... ну это... в отношениях состояли? – осторожно поинтересовалась Анечка.

– Ещё как... состояли... Жили мы вместе... Он в первую же беседу мне всё объявил... Дал три месяца на подумать... А теперь... Он точно знал всё... У нас целый склад был винный... так он с месяц назад стал подарки рассылать всем кому не лень. И меня отселил... Поблизости, конечно, но на ночь не оставалась я больше.

Подслушивать подробности такого содержания было уже совсем неприлично, и я направился в комнату, громко кашляя для привлечения внимания и топая как десяток солдат, идущих в ногу. Подошел к Кассандре, положил ей руку на плечо. Задавать вопросы прямо сейчас было бы жестоко. Обстановку бы нам сменить.

– Событие это, конечно, из ряда вон... Искренне сочувствую, – я старался говорить как можно ласковее. – Такой жизнерадостный человек был... Верить не хочется. Думаю, вам сейчас лучше одной не оставаться, так и с ума сойти недолго... Побудьте с нами, Кассандра. Я вас кое о чем расспросить хотел бы, если вы никуда не торопитесь, конечно.

– Нет, не тороплюсь... Некуда... – отозвалась она придушенным голосом.

– Тогда вопрос первый, – быстро произнёс я, опасаясь новых слёз. – Есть хотите? Вы наверняка голодны. Надо обязательно подкрепиться, думаю, силы вам ещё понадобятся. Жизнь продолжается.

– Да... наверное, стоит поесть. Где у вас тут... умыться можно?

Анна приняла из рук гостя легкий плащик, проводила ее в ванную, вернулась. Судя по выражению лица, перспектива закончить день в обществе Кассандры её совсем не радовала.

– Я тут подслушал немного. Странно это всё. Первое, что в голову приходит – психическое расстройство покойного на почве чрезмерного употребления горячительных напитков. Такое во времена моей молодости частенько случалось. У него и дневники все выглядят как требник, посвященный Бахусу.

– Это тот, который мифический покровитель пьяниц? – невинно поинтересовалась Анечка, хотя прекрасно знала античную мифологию.

– Не только их, но не о нём речь. Кое-что не стыкуется. Мне нужно как можно больше информации. Обо всём подряд. Я понятия не имею сейчас, что может оказаться полезным. У тебя, кстати, очень неплохо получилось поддерживать нужную атмосферу для разговора. Так что я рассчитываю на тебя. Давай заманим её ко мне на кухню, хорошенько накормим и побеседуем не торопясь.

– А зачем все эти расспросы? Всё ясно же! – Анечка застрочила скороговоркой, оглядываясь на дверь. – Пить растворы метилкарбинола очень вредно. Это было доказано наукой давным-давно. Поэтому и перестали эту гадость производить. Ещё триста лет назад. Я бы так и вовсе запретила. Ветеран, судя по всему, все эти триста лет только и делал, что остатки в себя вливал. А если тут что-то другое, так это вообще дело полиции.

В спорах рождается истина и гибнут нервные клетки... В ванной громко шумела вода, а значит, до возвращения Кассандры ещё было несколько минут.

– Анечка, сделай, пожалуйста, как я прошу. Ей действительно очень плохо. Как бы ты себя чувствовала, если бы я помер внезапно? Будь гостеприимной. Она же с утра ничего не ела. Покормить её надо? Надо. Не будем же мы жевать в молчании. А мне очень даже интересно, что там на самом деле произошло. Я потом всё тебе объясню, обещаю, сейчас не успею – Кассандра скоро вернется. Я, кстати, тоже есть хочу. И потом, неужели твоё любопытство уже полностью удовлетворено?

Анечка не ответила, уселась на подлокотник дивана, выражая одновременно несогласие, покорность судьбе, равнодушие и стала разглядывать носки своих блестящих туфель. Конечно, ей было любопытно. И Кассандра была ей вполне симпатична на самом деле... Коллега опять же. Не будь меня в их компании, они бы наверняка мило проболтали несколько часов. Но куда ж меня денешь? И вот уже охрана своей территории, защитный рефлекс, чтоб его... Даже от плачущей и опухшей от слёз гостьи распространялись флюиды какой-то подавляющей женственности. Аня их прекрасно чувствовала.

Не спорит и ладно. Я уселся в кресло и стал с нескрываемым интересом просматривать второй блокнот. Очень скоро моя красавица не выдержала.

– Что там? – спросила она.

– В данный момент рецепт приготовления настойки ореховой. До этого были настойки оникса, одуванчика и овса. Спиртовые. Некоторые из них, кстати, применялись как лекарства в «дикие и непросвещённые времена повального алкоголизма».

– Это интересно?

– Не очень. По крайней мере, мне. Интересно другое. Третий блокнот заканчивается самоучителем по приготовлению фалернума, а четвертого блокнота нет... Понимаешь ли, дорогая моя... Эти рукописные справочники включают в себя очень подробные инструкции по приготовлению напитков, вин, ликеров, микстур на спирту, водок и всевозможных настоек, но заканчивается на букву «Ф». Не могу назвать себя серьёзным специалистом, но труд сей можно смело назвать незавершённым. Хванчкара, Хенесси, херес и ханшина были намного популярнее одуванчиковой настойки, но их рецепты Ветеран излагать не стал, хотя для этого даже оставалось несколько чистых страниц в последнем блокноте. Почему, как ты думаешь?

– Не успел просто, наверное.

– Логично, на первый взгляд. Но тут ещё и записка есть. Лично у меня никак не складывается воедино содержание этого без преувеличения шедевра каллиграфии, количество человеко-часов, затраченное на его изготовление, с отсутствием времени на окончание самого труда. Вот, посмотри.

Я передал Анне лист, найденный в первом блокноте. Пока она читала, из ванной перестали доноситься звуки льющейся воды.

– Я на тебя очень рассчитываю, Аня! – шепнул я.

В комнате появилась Кассандра. Она явно пришла в себя и выглядела значительно лучше. Судя по вскинутым вверх бровям Анечки, даже слишком хорошо. Походкой модели приблизилась она к дивану, взяла со спинки плащ.

– Куда мы сейчас? – спросила она деловито. – Мне бы не хотелось в людное место, я выгляжу как чучело.

– Ну тогда ко мне, наверное... – всё выходило проще, чем я думал. – Приглашаю вас, девочки.

Отец Никодим

Крестовоздвиженский храм строили около реки, и место для него было выбрано очень удачно. За без малого восемь сотен лет своего существования он почти не изменился. Пожары войн, безумные ветры лихих перемен, десятилетия запустения пронесли мимо, а он всё так же отражался в тёмной воде.

Рядом с храмом располагалась часовня и просторный дом настоятеля, немногим более молодой, чем сам храм. Когда-то церковный двор с трудом вмещал всех прихожан, а сегодня в нём редко можно было увидеть больше десятка человек, даже на престольный праздник.

Отец Никодим Попов жил один, если не считать двух котов, служил – иногда вообще в пустом храме, держал огород, виноградник и частенько сживал с удочкой на берегу реки, неизменно сопровождаемый при этом своими котами.

Родился он в этом же доме шестьдесят два года назад после четырех сестёр и первое, что помнил в своей жизни помимо рук и лица матери, был рукописный лик чудотворной иконы святителя Николая.

Судьба его, казалось, была предопределена с самого начала – отец души не чаял в наследнике, именовал его не столь часто по имени, сколько «поповичем», а пономарить будущий настоятель стал с тех пор, как смог держать в руках книгу.

Количество прихожан постепенно уменьшалось, всё чаще отец с детьми и женой правили службу в храме, где кроме них никого не было. Потом выросли и разъехались учиться сёстры, а приход становился всё меньше.

В школе к нему прилепилось прозвище «Никотин», прогрессивно настроенные учителя снисходительно воспринимали его как осколок безвозвратно ушедшей эпохи, списывая слабые успехи в технологических дисциплинах на религиозное мракобесие. Мальчишки высмеивали за то, что он носит на службе стихарь, а девочки просто не замечали его в упор или оскорбительно хихикали за спиной.

Поэтому в пятнадцать лет отрок Никодим мечтал только о том, чтобы уехать и стать кем угодно, только не священником.

Он стал учиться с невиданным от него ранее усердием, даже с одержимостью, в семнадцать лет уехал в столицу, где вместо семинарии поступил в медицинский институт. Следующие семь лет он не показывал носа домой, потом внезапно приехал, оказавшись подающим надежды хирургом, уже практиковавшим в столичной клинике, и триумфально вылечил сломавшую ногу мать. Так что отцу его пришлось смириться с выбором сына. В храм в тот приезд он так и не зашёл...

Никодим долго и многословно доказывал изрядно постаревшему отцу, что правильно выполняемые операции с нейроинтегрирующимися преобразователями гораздо эффективнее молитв о здравии, а тот грустно смотрел на сына и повторял, что Церковь не для врачевания бренного тела.

Пару лет спустя первая девушка, которой молодой доктор Попов сделал предложение стать его женой, долго смеялась, называя официальный брак бумажной глупостью и распиской о согласии на секс. Отношения, по её мнению, должны были быть основаны не на бумагах, а на доверии и взаимном уважении. Через полтора года доверительных гостевых отношений с Никодимом, у неё родился сын, отцом которого оказался заведующий отделением восстановительной физиотерапии той самой клиники, где практиковал наш герой. Из столичной больницы он ушел и вернулся в родной город.

Местный госпиталь с радостью принял молодого перспективного врача, здесь же он, наконец, нашел юную медсестру, с которой сочетался официальным браком, правда, венчаться молодая супруга отказалась наотрез, и фамилию менять не стала. Жена родила Никодиму двух

сыновей, после чего посчитала свои обязанности по продолжению рода полностью выполненными.

Врачебная карьера у Никодима складывалась вполне успешно – к сорока годам он был уже главным врачом госпиталя, ездил в столицу повышать квалификацию, бывал на конференциях и в бывшей загранице, потому приглашение в столицу было вполне закономерным. Сам Попов уезжать не хотел, но жена, требуя думать о детях, настояла.

Что в действительности случилось на новом месте, и почему через пять с половиной лет пешком вернулся он в отчий дом – никто толком не знал. Одно время имя его мелькало в криминальных новостях, потом в ток-шоу показали уже бывшую жену его, но что из сказанного там было правдой? Слухи ходили самые невероятные. Говорили, что он кому-то из сильных мира сего дорогу перешёл, говорили что стал наркоманом, кого-то зарезал и ещё много чего. Официальное сообщение о следственно-судебной ошибке, в результате которой безвинно пострадал доктор Попов, прошло почти незамеченным, и по возвращении его домой слухи всколыхнулись с новой силой, но постепенно сошли на нет.

В возрасте пятидесяти лет отец Никодим был рукоположен в сан пресвитера, а ещё через год, после смерти отца, стал настоятелем Крестовоздвиженского храма на берегу реки.

Мать нового настоятеля ненадолго пережила своего мужа, и вскоре отец Никодим остался совсем один. Сестер и племянников своих видел он в последний раз на похоронах матери. Дети не приезжали никогда.

Навещал его, а иногда гостил по несколько дней только один человек. Немногочисленные прихожане толковали, что это приезжал грехи замаливать скандальный пьяница и гуляка Архонт Сидоренко, но им мало кто верил. Ясно одно – гость этот был не из бедных. С тех пор как стал он наезжать к отцу Никодиму, храм побелили, замазав все гнусности, написанные и нарисованные на его стенах местной шпаной, обновили купола и подняли забор, снабдив его устрашающими зазубренными пиками...

Местные руководители после такого чудесного преображения храма даже пригласили отца Никодима выступить на одном из городских праздников перед грядущими выборами в городскую управу, прозрачно намекнув, что они, при удачном исходе выборов, тоже не против посылить поучаствовать в благом деле по украшению памятника архитектуры. Но из этого ничего хорошего не вышло.

Во-первых, он явился на выступление в старой латаной рясе. Примазываться к дорогостоящему ремонту древней святыни, выказывая заботу о духовности на таком непрезентабельном фоне, стало как-то неудобно.

Во-вторых, вместо ожидаемых от его выступления благонамеренных словес о покорности властям, восстановлении традиционных ценностей и спасительности многочадия, настоятель призвал потенциальную паству свою оставить надежды на чудесное получение в Церкви земных благ, назвав обещания о непременном обретении таковых пропагандой, но не проповедью, которую прилично говорить священнослужителю.

Не стоит идти в храм ради обретения богатства, здоровья, семейного благополучия или успехов в делах, говорил он. Там ничего этого нет, а есть только тернистый путь и Божия воля. Земные блага приобретаются земными же путями, и только безуспешно испробовав их все и можно рассчитывать на помощь Всевышнего, если будет на то воля Его. Поэтому-то Церковь отделена от любого государства Господом Богом, а то, что разделено Богом, никому из человеков не дано соединить.

Ну а в-третьих, нечаянно или намеренно, но отец Никодим умудрился обличить пригласивших его чиновников. Завершая речь, он сказал, что Господь – не программа, которая работает по какому-либо сложному алгоритму, и невозможно с ним договориться о сколько-нибудь равноправном партнерстве. А значит, не стоит, украв дорогой автомобиль, приезжать на нём

в храм и лицемерно просить Господа о прощении, успокаивая нечистую совесть свою. Это не сработает.

Надо ли говорить, что взоры присутствующих обратились на блестящие машины возле городской управы и послышались смешки. Словом, вышел изрядный конфуз.

Зачастила было к отцу Никодиму после этих событий местная оппозиция, но после проигранных выборов отстала. Возникший из-за выступления народный интерес довольно быстро угас.

Храм даже закрыть попытались за ненадобностью и сделать музей, настоятеля обвиняли в торговле вином собственного производства, которое тот имел право изготавливать только для нужд церковных, но заступился кто-то...

Помимо комнаты, в которой отец Никодим спал, в доме он пользовался только кухней и библиотекой, не особенно их разделяя. В библиотеке всегда можно было найти несколько кружек и тарелок, а в кухне на подоконнике и на столе располагался не один десяток самых разнообразных книг. Сама же библиотека пребывала в жутком хаосе, и любому, кто хотел бы найти в ней что-нибудь определённое, предстоял поистине титанический труд. В книжных шкафах рядом стояли медицинские справочники и жития святых. Богослужбные книги пятивековой давности вперемешку соседствовали с томами всемирной истории. И только семейный архив от рукописных метрических книг прапрадедов до печатных мемуаров отца всегда был выстроен в идеальном хронологическом порядке на трёх полках ближайшего к двери старинного шкафа с одной дверцей.

В тёплый сентябрьский день накануне престольного праздника к храмовым воротам подъехал фургон экспресс-доставки и выгрузил сразу три больших и тяжелых ящика, в которых что-то позвякивало. Курьер долго трезвонил и шумел, вызывая настоятеля, и в конце концов добился своего.

Отец Никодим пришел с берега реки, сопровождаемый своими котами, с ведром, в котором обреченно болтались две рыбины. Расписавшись о получении, он перетащил ящики во двор, после чего долго стоял, бездумно рассматривая их. Затем отнес ведро в дом, вернулся с инструментами и принялся терзать упаковку.

Взломав первый ящик, он обнаружил несколько пакетов дорогого кошачьего корма и ряды старинных квадратных бутылок. Разорвав один из пакетов, он насыпал весь корм прямо на траву возле порога дома, чтобы отвлечь своих животных от мыкания под ногами, и стал возиться со вторым ящиком...

Через полчаса он перетащил в дом все шестьдесят бутылок кагора, и переступив через неестественно раздувшихся котов, отправился в храм.

Долотов. Похмельное возвышение

Если бы кому-нибудь пришло в голову заглянуть в понедельник в половине пятого пополудни в рабочий кабинет к старшему магистру-архивариусу Андрею Леонидовичу Долотову, то он был бы как минимум удивлён.

Рабочее кресло было отодвинуто в угол, к стеллажам, рядом с ним аккуратно стояли великанского размера туфли. На столе поблёскивал стакан, неподалёку от которого на спектрограммах лежал нейроинтегрирующийся преобразователь универсального назначения. Вся техника в кабинете была включена, моргала индикаторами питания и мерно гудела, однако за столом никого не было.

Под столом же, скрючившись и подогнув под себя громадные костлявые ноги в синих носках, с закрытыми глазами, искривив лицо мученической гримасой, лежал сам Андрей Леонидович и жалобно постанывал. До подбородка он был накрыт пиджаком. Завершал картину пухлый скоросшиватель с исходящей корреспонденцией под правой щекой.

У Долотова было сухо во рту, голова раскалывалась, открыть глаза казалось невыносимой задачей и очень хотелось посетить уборную, для чего нужно было встать и проследовать аж в другой конец коридора.

В конце концов, естественные надобности пересилили боль, и он, шепча замысловатые ругательства, принялся выбирать из-под стола. Через три минуты и два гулких удара головой ему это вполне удалось. В сознании из клубящейся мути всплывали строчки антиалкогольной брошюры «...тяжелое состояние после приема напитков, содержащих метилкарбинол, объясняется общей интоксикацией организма... основными симптомами являются головная боль, тремор конечностей... интоксикация способствует нарушению взаимосвязей нейронов в шейном отделе спинного мозга, который, помимо всего прочего, отвечает за мышечную активность верхних конечностей».

С трудом приоткрыв глаза, Андрей Леонидович вытянул перед собой руки – тремор без сомнения присутствовал. Ощущая себя несчастнейшим из людей, он на четвереньках подполз к своим туфлям, кое-как обулся и шаркающей походкой отправился в коридор.

Из зеркала в уборной на него глянул долговязый не внушающий доверия тип в мятой рубашке со сбитым набекрень галстуком. Память услужливо воспроизвела последний разговор с замзамом и обстоятельства встречи с заведующим. «Это ведь он меня в пиджак укутал... Кранты... Теперь только по собственному желанию», – пробормотал он своему отражению.

Он вернулся к себе и следующие десять минут набирал заявление об увольнении из Архива, ошибаясь в каждом слове по нескольку раз. На душе было гадостно. Долотов распечатал документ в двух экземплярах, стал прицеливаться для подписи, но тут грянул громовой сигнал вызова к заведующему. Судя по счетчику – пятый. Каждые полчаса...

«На месте подпишу», – решил он и пошел на начальственный зов, на ходу пытаясь придать густой шевелюре менее растрепанный вид.

Кабинет заведующего был громаден. На стенах висели многочисленные портреты предшественников нынешнего руководителя, из массивной позолоченной рамы над его креслом лучезарно улыбались три правительствующих сенатора.

Сбоку на входящего лукаво взирала статуя музы истории Клио, высотой в два человеческих роста, выполненная в духе античного классицизма. Автор шедевра представил покровительницу Архива совершенно обнаженной, что вызывало множество скабрёзных аллюзий, особенно в годы нищенского существования науки. Три заведующих тому назад было решено придать скульптуре более степенный вид. Реализация идеи съела половину годового бюджета Архива, но теперь мощную наготу изваяния прикрывала небрежно наброшенная мраморная ткань, несколько отличавшаяся по цвету от самой музы, и массивная книга в руке.

Эсперанский и его заместитель располагались за невероятных размеров столом в противоположном от двери углу. Лучи заката отражались от гладких поверхностей и полированных граней настолько нестерпимым блеском, что Долотову пришлось зажмуриться.

– Вызывали, Станислав Сергеич? – закричал он в пространство.

– А вот и наш герой! – донеслось в ответ. – Входите, входите, присаживайтесь... Конечно, вызывали, и вас, и докторов к вам уже звать хотели. Как же это вы так неосмотрительно, батенька?

Андрей Леонидович поплелся по наборному паркету в направлении начальства, ожидая начала словесной экзекуции. Но было тихо. Добравшись до стола, во главе которого грузно восседал С.С. Эсперанский, более подходящий на циркового силача, чем на светило науки, он уже потянул было на себя стул в самом конце длинного приставного стола, но был остановлен и приглашен устраиваться поближе.

– Нет-нет, давайте уж к нам, дорогой вы наш, – ласково пророкотал заведующий. – На сегодня чинопочитание и субординация решительно отменяются.

Долотов не без труда справился с тяжеленным стулом и уселся прямо напротив замзава, разместив свои бумаги текстом вниз на краю стола и не решаясь поднять глаз. Ему страшно хотелось икнуть.

– Ну что же! Поскольку все собрались, наконец, давайте начинать! – Эсперанский гудел, как весенний шмель – радостно и бодро. – Сегодня в министерстве был поднят вопрос о необходимости создания межотраслевой исследовательской группы на предмет изучения потенциально негативного влияния внешних технологий на личностном, социально-групповом и цивилизационном, так сказать, глобально-социальном уровнях. Как известно присутствующим, данное направление является новым, его необходимость ещё недавно не являлась очевидной, но сегодня, в числе прочих благодаря нашему сотруднику, видному и перспективному молодому учёному, а именно ва-а-ам, Андрей Леонидович, – тут Эсперанский откинулся на спинку кресла и широко распахнул богатырские объятия, отчего по бумагам на столе побежал легкий ветерок, – на самом высоком уровне необходимости проведения всестороннего исследования дана должная оценка и выделена соответствующая материальная база.

– Я всегда говорил, что из него выйдет толк! – раздалось со стороны замзава.

Долотов обернулся на эти слова, точно на выстрел – лицо заместителя излучало гордость и доброту, поросшая густыми воронными кудрями длань простиралась в направлении архивариуса.

– А то как же. Настоящий жрец науки, чего уж тут... Ваш выдающийся вклад в появление нового направления научной деятельности был по достоинству оценен на уровне министра! – Тут Эсперанский понизил голос до уровня интимной нелегальности и выпучил глаза. – Я, честное благородное слово, такого единогодушия среди участников заседания уже лет двадцать не встречал!

Андрей Леонидович не скрываясь ущипнул себя за нос. Стало больно, но больше ничего не изменилось. Покопавшись в памяти на предмет галлюцинаций как результатов употребления спиртного, он был вынужден признать, что скорее всего всё происходящее с ним – реальность. Он перевел ошалелый взгляд на заведующего.

– Поглядите-ка, он ещё и скромничает, а! – воскликнул тот. – Каково?! Далеко пойдёте, друг мой! Если вам удалось даже этого скандалиста Сидоренко с винокурных забот переключить на сии тонкие материи, то нам в аргументации Вашей сомневаться и вовсе не пристало. Верно я говорю, Аркадий Евгеньевич?

– А какое самопожертвование! – перехватил инициативу замзав. – Пытаться пробить кость нашу, спокойствие наше сытое, рискуя своим добрым именем! Это дорогого стоит, голубчик вы мой! Низкий вам поклон!

– Я, собственно... – промямлил воспеваемый начальством похмельный архивариус, – не вполне уверен...

– И слушать ничего не стану! – на лице заведующего изобразился решительный протест, густые усы его стали дыбом. – Завтра же начинайте подбирать команду! План разрабатывайте, смету на освоение фондов в три дня мне на стол! Что у вас там?

Заведующий протянул ручищу в направлении бумаг, принесённых архивариусом. Долотов машинально вложил свои заявления в раскрытую ладонь.

– Мне... подписать вот не успел... – запинаясь сказал он. – По собственному желанию...

Лицо Эсперанского исказила скорбно-обиженная гримаса. Замзав уставился на бумаги так, будто видел там клубок ядовитых змей, потом вскочил и, размахнувшись, выхватил заявления из руки окаменевшего от горя начальника.

– Это что же такое? – срывающимся высоким голосом заверещал он, потрясая несчастными листками. – Андрюша! Да в своём ли вы уме такое писать? Мы же как родного вас растили! Лелеяли-холили, кормили-поили, отдельный кабинет, а вы? Думаете это просто нам далось?! Без ножа ведь режете, душа моя!!!

– Аркадий Евгеньевич! Да вы же сами три часа назад... – начал было Долотов, но в третий раз за день ему решительно ничего не дали сказать.

– Откуда же это у вас такие желания странные? – продолжал заместитель уже фальцетом. – Вы же историк по призванию! Прирожденный, так сказать! Скажите лучше прямо, кто у нас лучшего сотрудника сманить решил? Да кто бы ни был там, вот ему!!!

Багровый замзав ткнул в направлении окна волосатый нашлёпистый шиш, а затем принялся рвать заявления, разбрасывая вокруг себя клочки. «Сплю... – думал прирожденный историк. – И мне снилось, что я по нужде ходил. Совсем плохо».

Покончив с бумагами, взопревший Аркадий Евгеньевич, сипло отдуваясь, плюхнулся на своё место и дрожащей рукой ослабил галстук.

– Знайте же! – успокаиваясь, изрек он торжественно – Помните! Хорошо там, где нас нет! Всегда помните, слышите!

С подобным утверждением спорить у Долотова не было никакого желания, он был полностью согласен с тем, что там где нет Аркадия Евгеньевича хорошо, пусть не совсем, но точно намного лучше. Поэтому и кивнул покорно больной головой.

– Давно бы так! – радостно гоготнул Эсперанский. – Вы же доктор наук без пяти минут, смена наша, а уходить собрались! Нет уж, не отпустим, и не просите. А прибавку – просите смело, помощницу там... Симпатичную... Только об одном сердечно прошу, как сына родного умоляю! Над собой экспериментов больше ни-ни! Это ж опасность-то какая! Да еще в непригодном помещении... Вы ж меня, старика, нынче чуть до инфаркта не довели. Чаю желаете?

Архивариус снова нерешительно кивнул. Эсперанский залихватски надавил на кнопку вызова, потребовал три чая и весело переглянулся с заместителем. Через минуту секретарша, покачивая круглым задом, внесла огнедышащий чай.

– Там Андрея Леонидовича курьер спрашивает, – сказала она, ставя перед Долотовым дымящийся стакан. – Говорит, посылка лично в руки.

– А зови-ка ты его прямо сюда, Зоенька, – благодушно пробасил заведующий. – Мы тут чаи гонять собрались, как говорится.

– Сию минуточку.

Курьером оказался пыльный белобрысый мальчишка лет пятнадцати. Он вошел, вертя носом по сторонам, прошлёпал к столу и выставил три фигуристые бутылки водки прямо перед остолбеневшим хозяином кабинета, после чего потребовал расписаться.

Повисла звенящая тишина, и в тишине этой у Андрея Леонидовича громко и требовательно забурчало в животе.

Старобогатов и секретари

Когда Кассандра так запросто и без долгих уговоров выразила своё согласие на посещение обиталища моего, я расслабился и тут же слупил. Нельзя мне легко получать желаемое – я окрыляюсь и сразу же спотыкаюсь на ровном месте. На предложение добраться пешком, а заодно и прогуляться по лесу, Анечка моя красноречивым взглядом указала на свои туфли и на каблукастую обувь нашей гостьи. Пришлось вызывать машину.

Девчонки разместились сзади и тихонько переговаривались. Слышно их практически не было, но, готов поспорить, обсуждали они мою умственную неполноценность. Кассандра даже хихикнула. Быстро она успокоилась. Впрочем, мне же лучше, лишь бы снова её утешать не пришлось...

Когда мы добрались, я объявил, что готовить буду сам, оставил их в гостинной и проследовал на кухню. Запечь говяжью вырезку или оформить мясо по-французски? Вырезку. Меньше шансов испортить продукты и больше времени, чтобы спокойно подумать. И будет она у нас с солью, перцем, тимьяном и измельченными листиками майорана. Надеюсь, соль никого не смутит... Лучше спросить.

Я отнёс в гостиную лимонад. Кассандра успела скинуть свои модные туфли и забралась на диван с ногами, как раз на любимое место Анны. Сквозь ледяное спокойствие Анечки проглядывала готовность перенести присутствие захватчицы и все связанные с ним неприятности как неприятную медицинскую процедуру.

– Присутствуют ли среди нас ненавистники солёной пищи? – бодро спросил я, разливая лимонад по стаканам.

– Если вы про меня, то я употребляю соль, но могу обойтись и без неё, – голос Кассандры звучал ровно и спокойно, словно это и не она вовсе рыдала час назад.

– Вот и славно. Скоро вернусь.

– Надеюсь, – подала голос Анна, – есть хочется.

Натирая мясо специями, я поймал себя на мысли, что меня в большей степени занимает уже не само содержание блокнотов, а то, почему они достались именно мне. Сологуб, например, всю жизнь занимался энергетикой, обладал всеми мыслимыми научными наградами и регалиями и по образу жизни своей был гораздо ближе к Ветерану, нежели я. Рубинштейн – великий картёжник, с незапамятных времён бессменный чемпион мира по покеру и мастер всех возможных интеллектуальных игр и развлечений. Так что вряд ли я оказался последним адресатом как более любознательный. Или терпеливый. Где у меня майоран вообще?

Я отправил мясо в печь. Салат не буду делать, просто нарежу овощи и обложу зеленью. Так будет наряднее. Не проговориться бы, что я подслушал их первый разговор с Анютой, вот что... Надо будет поаккуратнее, ну или помощница пусть поможет...

Я выглянул в гостиную. Обе дамы в молчании копались в своих коммуникаторах.

– Почти готово! Анечка, помоги мне накрыть на стол, пожалуйста.

– Слушаю и повинуюсь.

Она отложила гаджет в сторону и прошла мимо меня на кухню. Глаза её были похожи на зелёные льдинки. Обиделась. «Когда успела-то?» – подумал я и поплелся за ней.

– Я позвал тебя, чтобы договориться перед началом беседы с Кассандрой. Если я вдруг сболтну чего-нибудь из того, что я слышал из-за двери, подстрахуй меня, пожалуйста. Скажи, что уже успела мне рассказать, пока мы накрывали на стол. Хорошо?

– Ладно уж... Пахнет вкусно, – ответила Анна, принимая у меня тарелки. – Чем будешь поражать пленительную гостью свою?

Я открыл печь, потыкал в мясо двузубой вилкой – до готовности оставалось минут пять, не больше.

– Ого! – ехидно сказала Анюта. – Это я удачно зашла. Мне-то казалось, что у тебя больше чем на бутерброд галантности не хватит. Не знаю, как Кассандра, а я уже поражена. Кстати, появилась новость о смерти Ветерана. Официальная версия – отравление некачественным алкоголем. Отмечается необходимость усиления контроля и разъяснительной работы. Похоже, что я не такая уж дура, какой некоторые из присутствующих меня видят...

Я поставил на стол блюдо с овощами и грустно посмотрел на свою помощницу. Желание перемен проявляется у моих женщин почти всегда одинаково. И всегда осенью.

Видимо, я сам очень мало изменяюсь со временем, если всё заканчивается настолько похоже. После первого знакомства все они стесняются и пытаются понять, с кем имеют дело, потом удивляются и нащупывают границы дозволенного, затем начинаются быстролетящие золотые годы, а за ними приходит сознание невозможности общего будущего. И если вначале у каждой есть своя уникальная изюминка, то начало конца – это всегда колкости и бунт, за которыми уже ничего не следует.

– А хочешь ли, поедем к океану,

Когда пойму я, для чего ко мне

Принесены блокноты Ветерана?

– Втроём? – Анна изобразила глубокую задумчивость. – Не знаю, право.

– Вдесятером! Я тут надумал устроить историческую реконструкцию на тему царя Соломона, остальных будем набирать на месте. Зови Кассандру.

– Сию минуту, мой господин, только осмелюсь напомнить вам, что гостья прибыла из другого города и следует ускорить ужин, либо позаботиться ещё и о ночлеге для неё.

«Вот же ж ёж! – подумал я, раскладывая мясо по тарелкам. – А ведь она совершенно права... Куда я, спрашивается, на ночь глядя буду девать едва знакомую мне женщину после окончания трапезы и, надеюсь, приятной и содержательной беседы? Раз проявил заботу – будь последовательным. Ладно. Выкручусь как-нибудь».

Кассандра явилась к столу босиком, моментально завладела ломтиком огурца и стала осматриваться. Ни тени стеснения, ни капли кокетства. Сама непосредственность.

– Располагайтесь. – пригласил я. «Будьте как дома» говорить не стал. Мало ли что...

Всё-таки они очень разные. Анечка могла бы давать уроки застольного этикета. И неважно, в какой она обстановке находится, во что одета и что кушает. Салфетки, уложенные на колени, всегда идеально чисты, движения плавны и верны. Аристократка, да и только. Гостья наша выглядела на её фоне как хулиганистая младшая сестра, можно было бы сказать дочь, если бы не две внушительные выпуклости, создающие приятный контраст с хрупкими плечами и тонкой шеей. Сразу было заметно, что угощение ей понравилось, как и то, что она действительно здорово проголодалась.

– Это вкусно! – искренне произнесла Кассандра. – Готова к любым вопросам и ко второй порции, если можно.

– Конечно, можно! Рад, что угодил... – я помолчал, чтобы унять собственное нетерпение. – Хотел вас спросить относительно блокнотов, которые вы привезли. Чем, по вашему мнению, объясняется такой необычный способ их доставки?

– Могу только предположить... Возможно, Илья не желал, чтобы в эти записи заглядывал кто-нибудь, кроме того, кому он их предназначил – поэтому и отправил меня.

– Может быть... А зачем же он всё это, – я взглядом указал на блокноты, – вручную писал?

– Ещё и чернилами, как полтыщщи лет назад! – подхватила Кассандра – Я уже говорила Ане, странный он был в последнее время. Не уставал удивлять.

– Черни-и-лами? – ошарашено протянула Анечка. – Где же он их добыл сейчас?

– Сам делал, представляете? Смешивал, кипятил, настаивал – никакой сублимации... Я как-то спросила – для чего, так он мне стихи стал читать оттуда, – гостья указала вилкой с

насаженным кусочком вырезки на записи Ветерана. – Сказал, что такое можно только чернилами записывать. И ладно бы свои, а то ведь чужие... В «ЭХе» эта нетленка прекрасно существует безо всяких чернил...

– Причудливо выглядит, – согласился я. – А что это за стихотворение было, простите меня за литературное любопытство?

– Название не помню. Он перед тем как читать, торжественно так номер его огласил – двадцать четыре.

Я встал и взял первый блокнот. Двадцать четвёртыми по счёту были стихи, скомпилированные из нескольких четверостиший Хайама. Тоже песня? Ближневосточные частушки в переводе... Озаглавлено: «Я в мечеть не за праведным словом пришёл»...

– Это рубаи Омара Хайама. Их можно было бы в знак особого почитания записать чернилами собственного приготовления и даже непосредственно вином. Когда я был молодым, красное вино иногда так и называли – «чернила». А вот насчёт остального содержимого... Он читал вам ещё что-нибудь?

– Всё подряд, а инструкции по выпивке ещё и не по одному разу, – ответила Кассандра и ловко подобрала с тарелки последний кусок огурчика.

– А давно он закончил записи свои?

– Не следила я за ними, если честно, поперёк горла они мне стали. – Кассандра виновато развела руками, словно извиняясь за свою неосведомлённость.

Если у Ветерана была цель запутать получателя его записок, то он с ней прекрасно справился. Возражения против теории о том, что он пропил на корню всякий здравый смысл, уже не казались мне существенными. Мало ли как бывает... У некоторых похмелья не случается, а у этого руки не тряслись. Присылать мне со своей помощницей тексты, которые находятся в свободном доступе, написанные чернилами, чтобы их не увидел никто посторонний, но при этом зачитывать этой самой помощнице чуть ли не ежедневно было просто бессмысленно.

Надеюсь, у меня сейчас не сильно глупый вид. Что бы ещё спросить-то?

– А Илья Петрович и напитки изготавливал сам?

– Скорее, один напиток... Водку он делал, по разным рецептам, правда. У нас целая лаборатория дома. А остальные добывал везде, где можно и где нельзя, а потом ррраз – и раздарил всё, – отозвалась моя гостья и принялась собирать со стола пустые тарелки. – Для них же бочки какие-то особые нужны, подвалы...

– Кассандра, оставьте посуду в покое, пожалуйста! – не выдержала Анна. – Вам чай или кофе?

– Ой, простите... Я машинально как-то. Кофе, пожалуйста... – отозвалась та, смутившись в первый раз за вечер. – Я на всех посиделках, которые у Ильи были, с посудой возилась, вот и здесь взялась...

– Часто у него гости бывали? – спросил я, постепенно утрачивая остатки надежды узнать что-нибудь стоящее.

– По-разному... Случалось, месяц нет никого, а потом – чуть не каждый день целую неделю, а то и больше, полон дом людей.

– Припомнить можете, что за люди?

– Да разве их всех упомнишь? У меня вообще память девичья... – Кассандра приосанилась и одновременно потупила глаза, намекая, что короткая память является необходимым атрибутом юной красавицы. – Как мне и положено. А гости – так... учёные разные, в основном.

Я замолчал. Анна готовила кофе. Глаза её утратили колючесть – видимо, догадывалась, что шеф в затруднении, но не знала как помочь.

Раздался сигнал вызова. Оказывается, внизу меня ожидает курьер с посылкой для передачи лично в руки, а его не хотят ко мне пропускать. Пришлось уговаривать консьержа. Посылкой оказался аккуратно собранный ящичек, при этом довольно тяжелый. Из прорезей для

переноски выглядели кудрявые душистые стружки. Пока я раздумывал, куда бы его деть, в прихожей образовались и откушавшие кофею дамы, приятные во всех отношениях. Они решили, что уже поздно, а стало быть, пора отправляться по домам.

Кассандра увидела ящик, прерывисто вздохнула, прислонилась к стене и закрыла глаза. Мы с Анной подхватили её под руки и потащили на диван в гостиную.

– Что с вами? – спросили мы слаженным хором, словно репетировали этот вопрос.

– Вот и вам... подарочек от Илюши доставили... – прошептала Кассандра, после чего закрыла лицо руками.

Я принес воды, оставил её с Анной, и перенёс ящик в мастерскую. Когда я его открыл, деревянные кудряшки полезли из него во все стороны и сразу же засыпали весь пол небольшой комнаты, а заодно и меня. Я с наслаждением вдохнул столярный запах. Интересно, стружки тоже собственного производства?

Подарком оказались десять бутылок белого вина. Та-ак. Лефлев, старше меня. Кот-де-Бон. Франция. Подобный дар запросто мог бы разорить получателя, если бы его сумели отследить и обложить налогом. Насколько я помню, такое вино выпускалось не более, чем по четыре тысячи бутылок в урожайный год.

Что же получается у нас? Ветеран доверил доставку драгоценного груза почтовой службе. Я посмотрел в квитанцию о доставке – даже ценность не указана, а значит нет и страховки. Так вот... Доверил, стало быть, без надежды на возмещение в случае чего... А блокноты с ничего не значащими, на мой взгляд, записями поручил доставить своей ближайшей помощнице. Тут или психическая болезнь, или всё-таки логика, которую я пока не понял. Может выпить надо, чтобы разобраться? Не зря же он мне винца прислал...

Кассандру он знал очень хорошо, следовательно, рассчитывал, что она выполнит задание безукоризненно – и не ошибся. Она же полагает, что он не хотел, чтобы в этих блокнотах копался кто-нибудь, кроме меня... Может быть, тут конечно и скрыто что-нибудь неочевидное, но я других объяснений решительно не нахожу. Оставим пока это...

А Кассандра выполняет поручение, будучи уверенной, что везёт мне переписанные стихи и опостылевшие ей винные инструкции. Ничего интересного для неё в этих записях Петровича нет... Станет ли она рыться в этих блокнотах? Вряд ли. Точнее сказать сложно – я слишком мало её знаю, а вот Ветеран знал отлично и видимо был уверен, что заглядывать туда она не будет. И кто бы не спросил её, расскажет не больше, чем мне, причем совершенно искренне. Любые сыворотки и детекторы будут бессильны, а считыватели памяти покажут рецептуру настойки ореховой и не более того.

Следует же из всего этого, что блокнотики в глазах Ветерана имели ценность несравнимо большую, чем воспеваемый в стихах, переписанных чернилами и от руки напиток... Что ещё? Память у Кассандры не очень. Она смышлёная девочка, но очень плохо запоминает мелкие детали. Я посмотрел на часы – оказалось, что я в мастерской уже полтора часа. За окном густая осенняя темнота. В квартире было тихо... Интересно, как они там?

Я вернулся в гостиную. Анечка встретила меня сонными глазами – у нее не было сил даже сердиться. Кассандра же спала, время от времени глубоко и прерывисто вздыхая во сне. Будить её точно не стоило. Решение пришло как-то само собой.

– Оставайся сегодня у меня, пожалуйста... – шепнул я Аняте в симпатичное ушко.

Свобода слова

В редакции «Свободы слова» за предоставление широким слоям населения свежей, а главное, достоверной информации о чрезвычайных происшествиях, авариях и ледящих душу преступлениях, отвечали всего два человека – пожилой и опытный бывший спортивный корреспондент Григорий Жихарь и его юный коллега Аскольд Груздебулкин.

Могучий кряжистый Жихарь всю сознательную жизнь был и оставался страстным болельщиком, что в конце концов и погубило его карьеру. Для него было решительно невозможно изложить своё мнение о спортивном событии, будь то шахматный турнир или скачки, никак не проявляя своих предпочтений. Первое время он ещё как-то держал себя в руках, но чем старше становился, тем ярче проступали в его статьях и комментариях достоинства одних участников соревнования и недостатки других.

Популярность эмоционального Жихаря тем не менее росла, и редакция довольно долго закрывала глаза на то, что победившая в матче команда вдруг оказывалась «везучими мазилами» или «оптовыми скупщиками судейских бригад».

Однако со временем выражения его становились всё крепче, болельщицкий раж всё неистовее, в конце концов, после призывов «дать по орехам», «отправить в гости к патологоанатому», «задушить прямой кишкой», а также «накормить тумакami до четвертой блевотины», высказанных во время боксёрского поединка, терпение начальства лопнуло и Григория пересадили в кресло корреспондента криминальной хроники, где он должен был выдавать три сообщения по сотне слов в сутки.

На новом месте Жихарь приуныл, но обязанности свои исполнял в целом исправно. Правда, ориентирами для определения мест совершения очередных злодеяний в его опусах неизбежно выступали имеющиеся в городе стадионы, спортивные комплексы и площадки, и совершались они незадолго, во время, или спустя непродолжительное время после «заслуженных спортивных побед в честной и бескомпромиссной борьбе» или же «позорящих спорт возмутительных фактов продажного судейства». На попытки редактирования его текстов Жихарь реагировал крайне болезненно, безобразно скандаля и парализуя работу корректоров.

Аскольд же, напротив, был тщедушным шустрим молодым дарованием с остервенелым желанием писать, любимчиком всех без исключения преподавателей факультета журналистики, лучшим в своём выпуске и очень смешно произносил букву «с». Благородные собратья по перу немедленно подметили последнюю особенность, наделив юношу прозвищем Свисток.

По достоинству оценив его стремления и чаяния, многоудрое начальство объединило наших героев в одном кабинете, снабдив дверь его табличкой «ИЧПОКХ» (информирование о чрезвычайных происшествиях, обозрение криминальной хроники). По замыслу руководства молодость должна была набраться таким образом опыта, отфильтровывая при этом отголоски спортивного прошлого, проникавшие в криминальную хронику.

Жихарь поначалу воспринял присутствие подрастающей смены в штыки. Но вражда не продлилась и недели. Во-первых, молодой коллега смотрел на него с нескрываемым восхищением, искренне воспринимая недовольное ворчание как важные наставления, и даже составлял конспект. Во-вторых, Груздебулкин без усталости мотался по городу, осматривая места совершения безобразий, добывая информацию из первых рук, а однажды так и вовсе успел появиться раньше полиции. В-третьих же, из уважения к возрасту старшего коллеги он принял на себя обязанность по доставке писанины из «ИЧПОКХ» в редакционный отдел, успевая исправить все пережитки увлечения спортом на ходу, и экономя таким образом кучу времени и нервов всем заинтересованным лицам. Поэтому вражда постепенно преобразилась сначала в приятельские, а потом и в дружеские отношения. Редакционные острословы стали называть их Жихарь со Свистком или просто «чпоковцами».

В день смерти Архонта Ильи Петровича Сидоренко ловкач Аскольд оказался на месте через минуту после прибытия наряда полиции, сделал десяток стереоснимков, после чего побеседовал в неформальной обстановке сначала с командиром наряда, а потом и с подъехавшим следователем. Дело представлялось совершенно ясным – следов применения силы на покойном найдено не было, зато был обнаружен небольшой заводик по производству метилкарбиноловых растворов на дому, спирт в крови усопшего, а растворы – на его столе в виде, готовом к употреблению.

С учетом того, что в последний раз смерть Архонта Лемюэля Джонсона случилась более полувека назад и за океаном, добытый материал тянул на высшее качество. Просто бомба, а не материал. Журналист, который первым поведал миру об ужасающей автокатастрофе, жертвой которой пал Архонт, теперь был медиамагнатом, а взлёт карьеры его начался именно с публикации фотографий обломков машины Джонсона.

Груздебулкин ликовал. Вероятность того, что прочтут, поделятся, примутся за комментарии, разводя вокруг статьи бурление говн и прибавляя автору публикации журналистского весу вкупе с популярностью, по его мнению, была стопроцентной, а может быть и более. Заметку он успел набросать ещё по дороге в редакцию.

Для обезоруживания критиков дальновидный Аскольд снабдил своё творение благонаправленным призывом к удвоению усилий в разъяснительной работе о вреде пьянства. Потом подумал и добавил пару фраз про необходимость всестороннего контроля за соблюдением правил, направленных на нераспространение ядовитых напитков.

Опытный Жихарь, однако же, восторгов молодого друга не разделил, посоветовал не задирать нос, а держать его по ветру, потому что «свобода слову, а молчанию – золото». «Завидует старик», – решил Груздебулкин и заметку свою отнёс корректорам, после чего сразу же опубликовал.

В течение часа после публикации его ожидания оправдывались полностью – общество исправно читало, делилось и создавало бурление. Поэтому приглашение к главному редактору Аскольд воспринял как событие радостное и с легким сердцем отправился пожинать лавры.

Должность главного редактора информационно-медийного портала «Свобода слова» занимал Рудольф Иоганнович Фогель – немолодой, аскетически худой, долговязый мужчина, напоминающий в зависимости от настроения то вопросительный, то восклицательный знак. Определить его возраст, глядя на него со стороны, было решительно невозможно – он словно постоянно и свободно перемещался во времени, представляясь окружающим то энергичным сорокапятилетним весельчаком, то исполненным мудрости глубоким старцем, стоящим одной ногой в могиле, живым только потому, что нет сил подтянуть к этой ноге вторую. Неизменным в этом облике являлся взгляд черных глаз, настолько пронзительный, что большинство подчинённых именовало его «Рентгеном», оглядевшись предварительно по сторонам и понизив голос.

Вслед за внешним обликом Рудольфа Иоганновича так же свободно менялась и его речь – весельчак говорил бодро и почти без акцента, но с прибавлением видимого возраста в нём просыпался наводящий ужас полиглот: русские фразы запросто могли начаться латынью и закончиться немецким слэнгом, слова коверкались невероятно. Писал же он на двух десятках языков образцово грамотно и стилистически безупречно.

Впорхнув в кабинет главреда почти без стука, Аскольд точно наивная бабочка булавкой был пригвождён к месту двустольным взглядом, счастливые надежды брызнули сверкающими осколками в стороны, налетев на грозный вопросительный знак.

– Д-добрый в-вечер, Р-рудольф И-и-оган-ныч! – запинаясь и съёживаясь выдал из себя он.

– Тоообрый, гоффоритте? Лек михь ам книи⁴... Фи есть позфать нэприятност, а тэперь гоффорить тоообрый? – Фогель ткнул костяным пальцем в сторону стула для посетителей. – Фи сидеть там! Читать фот этто! Энд старт финкин⁵ наконнетс.

С этими словами стареющий на глазах, но не менее страшный от этого главред метнул по столу в сторону обомлевшего Груздебулкина электронный ридер, который проскользнул по гладкой поверхности пулей и устремился вниз. Аскольд перехватил читалку в последний момент, почти у самого пола, поднёс к глазам. Руки его тряслись, строки плыли и прыгали перед глазами.

«Объединённое Правительство... с прискорбием... о скоропостижной кончине... видного и заслуженного деятеля... Архонта Сидоренко И.П.... был одним из тех, кто рискуя жизнью... повёл за собой... приблизил и сделал возможным... День Пятый... неустанный труженик на благо человечества... сохранял бдительность, не оставляя своим вниманием... на передовом рубеже... новое направление науки на стыке истории, физики и социологии. Беспримерный героизм... научное самопожертвование, которое не пропадёт втуне... Сегодня пал жертвой неудачного и смелого эксперимента... Президиум Академии Наук... невосполнимая утрата... зияющая рана... благодарное человечество... светлая память...».

Маленький и жалкий Аскольд поднял мокрые и полные ужаса глаза на начальника. В горле его застрял колючий ком, словно он проглотил здоровенный каштан вместе с кожурой и шипами. Перед мысленным взором разверзлась бездонная пропасть.

Ясно же как день, что это сообщение прислано как заглавная новость. Сообщение официальное и будет закреплено на самом видном месте. А рядом с этой публикацией будет отображена самая популярная на данный момент – повествующая о смерти Архонта Сидоренко И.П. от гнусного пьянства со всеми вставленными в неё благоглупостями. Ничем хорошим такое соседство закончиться для Груздебулкина не могло. Может, ещё и для Фогеля вместе со всей «Свободой слова».

– Я же правда там был... Пробы при мне отбирали... Снимков наделал... Ф-ф-фогель Иоганыч! Д-делать то что теперь? – сирым мышинным писком пробился сквозь каштан в горле Аскольд.

– Я не снагть, што делатть тэперь айне думмер⁶ торопыга. Я снагть, што у него эсть пиф-годынни⁷, ту пабликейшн .Фи творит ремонт ду ситуасьон. Иначе фи эсть слэндерер⁸, Хрусьдебюлкин, получайт а-та-та, анальниш штрафе.⁹ Дура лекс сет лекс¹⁰.– Рудольф Иоганнович откинулся на спинку кресла и неожиданно чисто произнёс. – Пшёл вон, дуралей.

Аскольд пулей выскочил из кабинета, жестоко приложив коленку о дверной косяк, и с шипением покатился по коридору в «ИЧПОКХ», подпрыгивая на здоровой ноге. Рентген, подаривший несостоявшемуся баловню судьбы полчаса для исправления ситуации, поступил, конечно, по-своему благородно, но что можно сделать за этот срок? Признание материалов клеветой означало снятие их с публикации, с помещением на их место отметки о понесённой нерадивым писакой каре, а это безвозвратный конец карьеры, изгнание!

Груздебулкин пинком распахнул дверь в родной кабинет и камнем рухнул на своё место. Жихарь осмотрел растерзанного друга, присвистнул, плотно прикрыл дверь, после чего уселся

⁴ Буквально – «оближи моё колено» (нем. ругательное). Равноценно предложению «поцелуй меня в задницу» на великом и могучем.

⁵ И начини думать (англ.)

⁶ Один глупый (нем.)

⁷ Полчаса (укр.)

⁸ Клеветник (англ.)

⁹ Кара, наказание (нем.)

¹⁰ Закон суров, но это закон (лат.)

поудобнее и сложил руки на столе ладонями вниз, как образцовый ученик со старинного агит-плаката.

– Орал? – участливо поинтересовался он.

– Скорее, анал... – всхлипнул Аскольд. И добавил озлоблено. – Цахер махер парикмахер, Гитлер капут, всего хорошего. С отсрочкой на полчаса, – он дернул себя за ворот. – Некролог прислан к нам от имени правительства. Сообщается, что новопреставленный Архонт был личность безупречная и погиб смертью храбрейших на самом острие опаснейших исследований, предварительно породив новую отрасль науки по внешним технологиям. А у меня он – пьянь. И если через... – Груздебулкин посмотрел на часы, – ...двадцать шесть минут я не исправлю положение – мне абзац.

– Эге... Пьянь, говоришь? А ты анализы на метилкарбинол сам видел?

– Нет. Следователь сказал...

– А версию про то, что допился наш клиент – тоже он озвучил?

– Ну да. И он, и командир наряда в один голос... Там же водки было просто море, у меня и снимки есть, хочешь покажу? – Аскольд потянулся за камерой.

– А голых женщин там нет у тебя на снимках?

– Нет...

– Тогда не хочу, – весело буркнул Жихарь. – Что бы ты без меня делал, а? Пиши. Согласно последним данным, следователь управления по расследованию преступлений против личности, фамилию пиши, отстранён от расследования, вызвавшего большой общественный резонанс, дела, возбужденного по факту безвременной кончины, сам знаешь кого, за распространение ложных сведений и разглашение тайны следствия. Приносим извинения нашим читателям за невольную дезинформацию. Мы будем неотступно следить за ходом расследования и сообщать вам самую свежую информацию.

– Он что, действительно отстранён? – удивлённо спросил Груздебулкин. – Откуда ты узнал?

– Потом объясню. Бегом к корректорам, затем Рентгену сей опус на стол, ну и за пирожками. Мне два с творогом бери. А я чайник вскипячу пока. Вернешься – будем дырки сверлить для орденов.

– А если меня Фогель спрашивать станет, как я про отстранение узнал?

– Не станет. И нечего стоять столбом, беги давай. Удачи.

– Страшно... – Аскольда передёрнуло. – Что, если ему не понравится всё это?

– На этот случай дырка у тебя уже есть. – Жихарь воздел правую руку с указующим перстом. – Вперёд. Пулей.

Аскольд прихрамывая убежал. Через десять минут он вломился обратно в сопровождении аромата свежих пирожков и слетевшей с двери таблички «ИЧПОКХ». На этот раз лицо его выражало сложную смесь между радостным недоумением, облегчением и ещё какими-то восторженными детскими эмоциями.

– Григорий, ты гений! – Груздебулкин вывалил на стол перед коллегой груды пирожков. – Ты меня из-под ножа вынул! Спасибо тебе, Григорий!

– Щедрь дары твои, салага! – ласково ответил Григорий. – Присаживайся рядышком.

– Ты только объясни мне, пожалуйста, всё! Ты же обещал!!!

– Шейщас, погодь, – ответил Жихарь, который успел отправить в здоровенную красную пасть первый пирожок целиком. – Сначала ответь мне, что ты знаешь про Лемюэля Джонсона?

– Да то же, что и все, – пожал плечами Аскольд. – Автомобильная катастрофа, Архонт погиб на месте, объезжая выскочившего на дороге ребёнка...

– Так. Факультетская программа, первый курс, устрашающие кадры аварии, облетевшие весь мир, правильно? Эххх... – Григорий загрузил в себя второй пирог. – Когда это случилось, наш Рентген примерно в твоём возрасте был. Только поумнее, чем ты раз в сто... Стажировался

в Америке. Он-то и приехал с наставником на место аварии первым, и ещё один с ними был умник, тоже стажёр. Ясное дело, что такое событие внимания к себе должно было привлечь множество, кому не охота первым такое опубликовать? Но не всё так просто. Ты снимки эти знаменитые помнишь? Одни обломки да ещё крупным планом. Почему, как думаешь?

– Наверное, чтобы силу удара отобразить. Зачем ещё-то?

– Зачем-зачем? Затем, чтобы лишнего не показать широкой и не шибко умной общественности нашей. Лемюэль этот далеко за городом ехал. В пустыне практически. Поэтому и нет никаких планов, кроме крупных. И ребёнкам там неоткуда и некуда через дорогу бежать было.

– Так он что, просто врзался во что-то? – удивился Груздебулкин. – Или пьяный был, как и мой?

– Ты что дураком-то притворяешься? Специально, что ли, ерунду мелешь? Если бы было препятствие в наличии, понятное и видимое, отчего бы его не снять-то? Оно что, как-то официальную версию опровергло бы? В том-то и дело, что не было там никакого препятствия – равнина. Или, может, было, но такое, что умные люди снимать не стали. Два сообщения тогда почти одновременно появилось. Одно тот второй стажёр второпях тиснул, о котором и не помнит никто уже, прямо с места событий. Про смерть при загадочных обстоятельствах без видимых причин и всё такое. А вторую наставник нашего Рентгена. Он-то и придумал эту версию дурацкую про ребёнка на дороге, а потом уже полиция всё доказала и в лучшем виде оформила. Даже пацаненка какого-то нашла... Вот так умник вруном и выскочкой стал, а про наставника ты и сам, небось, всё знаешь...

– А Рентген-то тут при чём?

– Да при том, что он ничего не стал писать. Сделал пару снимков, может быть, и ждать начал, пока не понял куда ветер дует. А потом просто поддержал, того, у кого карта удачно легла. Он, если хочешь знать, самым молодым главным редактором на весь наш долбаный мир стал. Но перевели его подальше от места событий, на всякий случай... А потом к нам. Так что молчание – золото. Уф... опять натрескался, как барабан. – Жихарь похлопал себя по объёмному животу. – Чем сговорчивее очевидец, тем дороже стоит то, что он видел, запомни, салага.

– Ничего не понимаю, если честно... – Аскольд заёрзал на стуле. – Если ты про всё это знаешь, почему не пишешь? Это же сенсация! И как ты понял, что про следователя писать надо?

– Охо-хо... Совсем ты ещё малой. Чего тут непонятно-то? Только те знания распространяют свет, кои способствуют выполнению начальствующих предписаний, – поучительно и важно перефразировал Григорий известный афоризм. – А кому ты собрался глаза открывать? Потрясатель умов, понимаешь... Это только на кладбище хорошо тем, кто копает глубоко.

Жихарь звучно отхлебнул полстакана чаю и потянулся за последним пирогом.

– Читатели твои тебе даже на похороны не скинутся, если ты перед ними правдой своей вертеть начнешь. Хоть на своих-то ошибках учишься, балбес! Ты поторопился – вот и вышел тебе втык. И следователь поторопился, так что будь уверен отстранят его, если уже не отстранили. Особенно после некролога этого. Может, вообще попрут куда подальше. Казенному человеку против начальства ходы во все времена заказаны были. Всё узнаем во время своё. Налей-ка ещё чайку, поухаживай за стариком.

– А откуда ты про всю эту историю с Фогелем знаешь? – спросил Груздебулкин, наливая другу чай.

– Следить за спортом надо! – Григорий воздел к потолку толстый указательный палец. – Обломки машины изокарбоновые были, сейчас никто и не упомянет про такой материал, а тогда... На болидах спортивных Лемюэль ездил, понимаешь? И всё время на новых. В тот раз на новенькой «Лямбде» катался. Поэтому я все новости про эти события читал сразу как они

появлялись и снимки до мельчайших подробностей рассмотрел. Вот и представь себе, каково было бы «Лямбде электрик моторс», которая на этот супермобиль гору денег истратила, если бы в народ пошла информация, что на их изделия Архонт на ровном месте убился. Они меры приняли, конечно, но по-тихому. Уже через год в гонках ни одной «Лямбды» этой серии не осталось. Вот и сопоставляй факты, друг мой. Если вдруг не станет «Лямбды» – может и всплывет еще муть эта со дна. Тогда и рассказать можно будет. Историю пишут те, кто может себе это позволить. Или те, кому, а главное, – когда позволено.

Анна решается

Анна проснулась очень рано – еще не было шести часов утра. Осторожно, стараясь не потревожить спящего Старобогатова, она оделась и тихонько вышла из комнаты, на цыпочках прокралась мимо дивана с Кассандрой и вышла на площадку. Пока поднимался лифт, ей казалось, что сейчас появится Константин Игоревич и будет пытаться её остановить. По непонятной причине ей ужасно этого не хотелось, а лифт поднимался целую вечность.

Но Архонт не пришёл. Входя в лифт, Анна испытала разочарование и даже обиду по этому поводу. Она благополучно спустилась вниз, домой не поехала, а прошла в приёмный зал. Там она наскоро привела себя в порядок, после чего уселась составлять отчёт о вчерашних встречах.

Пока она описывала поэтов, дело спорилось – набившие оскомину официально-деловые фразы послушно появлялись на экране, отмечая потенциальную художественную ценность и нетривиальность поставленной задачи.

Дальше стало сложнее. Составлять отчёт надлежало в хронологическом порядке, но ведь вместо клубничного кулинара к ним ворвалась госпожа Новикова, а про аддитивные ягоды Старобогатов даже не рассказал ей ничего... Покопавшись в коммуникаторе, она увидела, что вкусовые качества предлагаемого образца Архонт оценил положительно, труд же кулинара-реставратора назвал перспективным. «Видимо на кухне успел, пока угощение готовил для этой... Интересно, у неё свой цвет волос такой или красится всё-таки?» – пробежали в секретарской голове неслужебные мысли.

Она решила не нарушать порядок составления отчётности из-за Кассандры и принялась делать из оценок Константина Игоревича развернутое описание встречи с кулинаром. Внезапно ей захотелось поиздеваться над рутинной частью работы, а потом сразу же уволиться. И хотение это оказалось непреодолимым, настолько сильно поманило Анну Юрьевну неизвестное, но непременно прекрасное будущее, что она сразу же написала: «...мастеру клубнички было рекомендовано расширить горизонт с целью победить наличие косточек и семян в яблоках, огурцах, вишне, тыкве и рыбе».

Представив себе выражение лица Старобогатова, Анечка хихикнула и добавила, что появление новых продуктов имеет серьезнейшее профилактическое значение для предотвращения повреждения зубов и органов желудочно-кишечного тракта.

Это была только разминка. «Все равно эту ерунду не читает никто! Даже моё непосредственное руководство, бессовестно проспавшее мой уход», – прошептала Аня, охваченная бунтарским духом. Она откинулась на мягкую спинку стула, переключила клавиатуру в режим диктографа, прикрыла глаза от удовольствия и сладким голосом принялась описывать известные нам события.

«... сентября. По личному вопросу Архонтом Старобогатовым К.И. при секретаре пока ещё Апрельской А.Ю. была принята прекрасная Новикова Кассандра Алексеевна». Слово «прекрасная» показалось Анне недостаточно выразительным, она заменила его на «поражающая мужское воображение» и пошла вразнос.

«Новикова К.А. обратилась к Архонту с просьбой своего руководителя, ныне покойного вследствие длительного и злостного злоупотребления растворами метилкарбинола, Архонта Сидоренко И.П. Суть просьбы сводилась к принятию в посмертный дар от упомянутого выше Архонта Сидоренко его рукописей, представленных просительницей в виде трёх блокнотов. Изложенное в устной форме прошение было немедленно удовлетворено более чем полностью, после чего обессиленная Новикова К.А. была подвергнута реабилитационным процедурам в форме успокоительных объятий со стороны секретаря Апрельской. Просительнице предложена вода питьевая в объеме 200 мл.

Добросовестно исполняя возложенные на него почётные обязанности, Архонт Старобогатов К.И. самоотверженно и беспристрастно приступил к изучению предоставленных в его полное распоряжение рукописей, от чего испытал недоумение, переходящее в полное непонимание происходящего. Не желая признавать пьянство покойного причиной его безвременной кончины, а полученные манускрипты записками алкоголика, Архонт Старобогатов К.И. успешно применил своё обаяние, такт и предупредительность, вследствие чего выяснение обстоятельств составления рукописей продолжилось в неформальной обстановке, а именно в жилище Архонта Старобогатова в прежнем составе участников.

Для создания комфортной атмосферы были использованы:

– лимонад сублимированный охлажденный негазированный в объёме один литр с четвертью;

– овощи свежие в количестве шести огурцов (сорта «Гуркен северный»), а также томаты розовые домашние тем же счётом;

– вырезка говяжья, героически запечённая с майораном и прочими специями собственноручно Архонтом для произведения положительного впечатления на опрашиваемую Новикову К.А.

В процессе опроса Архонтом Старобогатовым заострено внимание на сиськах просительницы, упругой и подтянутой заднице, а также её длинных стройных ногах с трехмерным голографическим педикюром, вследствие чего принимающая сторона проявила слабую сообразительность, отчасти компенсированную завидной настойчивостью, проявленной для выяснения не только обстоятельств составления полученных записок, но и личных качеств составителя. Опрос происходил в непринужденной дружеской обстановке, вследствие чего госпожа Новикова К.А. вполне оправилась от пережитого ею шока, строила выполняющему служебный долг Архонту Старобогатову свои огромные глаза, однако ничего стоящего собранию сообщить не смогла ввиду слабой памяти, определённой просительницей, как девичья.

По результатам беседы, затянувшейся допоздна, версия о психическом нездоровье покойного Архонта Сидоренко И.П., вызванном беспримерным пьянством последнего, нашла свое полное подтверждение. Ценность полученных записей определена как нулевая или даже ниже, поскольку полученные блокноты исписаны практически полностью и для дальнейшего использования непригодны.

В 21.40 Архонт Старобогатов был отвлечен от исполнения обязанностей почтовой службой, каковая доставила в его распоряжение ещё один посмертный дар Архонта Сидоренко И.П. в виде небольших размеров ящика.

Опознав в посылке подарок покойного, просительница Новикова К.А. впала в состояние слезоточивого аффекта и была убаюкана секретарем Апрельской до легкого похрапывания при помощи колыбельных песен, после чего оставлена поживать на диване в гостиной комнате Архонта Старобогатова в одетом виде.

Дата... Подпись Архонта.... Бывший секретарь...»

Анечка перечитала свой хулиганский отчёт, довольно хмыкнула, снабдила цифровой подписью и отправила в ЭХ.¹¹

Проделав все манипуляции, связанные с официальным извещением Собрания Архонтов о своем намерении оставить должность секретаря Старобогатова К.И. вакантной, Анна Юрьевна похитила из обувницы казённые клетчатые тапочки инвентарный номер 24 подходящего размера, обулась, ухватила свои модные туфли за фигурные каблучки и выпорхнула в сентябрьское утро.

Всё было именно так, как она себе представляла. Свежее утро, высоченное небо с птицами, жёлтые листья, пьянящее ощущение уже наступившей свободы. Архонты призывались

¹¹ Электронное хранилище, самый популярный коммуникативный сервис.

благодарным обществом для выполнения своих почётных обязанностей не чаще четырех раз в месяц, в текущем месяце никаких встреч больше не предвиделось. Соискательницы на должность новой помощницы должны были появиться на горизонте не раньше чем через три дня. Спешить было некуда.

Помахивая туфлями, Анечка фланирующей походкой двигалась в направлении дома, улыбалась своему отражению в стеклянных поверхностях и предвкушала легкий завтрак и долгий блаженный сон при выключенном коммуникаторе. Она решила, что не побежит очертя голову искать новую работу, а возьмёт перерыв – месяца три, не меньше. А ещё заведет кота, непременно серого и зеленоглазого. И выйдет замуж за нормального смертного человека, чтобы вместе состариться и умереть в один день.

Возле самого дома к ней подошёл незнакомый стройный подтянутый мужчина, на первый взгляд вполне пригодный для одной из намеченных целей. Он был одет в дорогой тёмно-серый костюм (кот из Аниной мечты имел именно такую окраску), цвет же его глаз рассмотреть было невозможно под солнцезащитными очками. Анна Юрьевна даже удивиться толком не успела столь быстрому исполнению своих пожеланий, как незнакомец представился оперативным сотрудником ВКОПа¹² полковником Асмодиевым и попросил уделить ему немного времени.

Разочарованная и слегка напуганная Анечка согласилась. Полковник выразил ей благодарность и приступил к изложению своей надобности.

– Вынужден был потревожить вас в ранний час по неотложным причинам, за что приношу свои глубокие извинения. Как нам стало известно из вашего отчета, помещённого в ЭХ двадцать восемь минут назад, в доме господина Старобогатова в настоящее время находится Кассандра Алексеевна Новикова, которая бесследно исчезла вчера после трагического происшествия с Архонтом Сидоренко. Упоминанием о ней как об участнице одной из вчерашних встреч вы избавили нас от необходимости объявлять её в розыск, за что я выражаю вам свою искреннюю благодарность.

– Не стоит благодарности... – Анна почувствовала, что начинает краснеть. Ей даже не приходило в голову, что её шалость будет тщательно изучена органами охраны порядка и вызовет столь быструю реакцию. – Я там немного... нервничала, когда писала...

– Насколько мне известны инструкции секретариата Собрания, вы не нарушили ни единой нормы делопроизводства, поскольку требование к отчётности только одно – чётко и ясно информировать о деятельности Архонта мировую общественность. – Асмодиев говорил с хорошо отрететированными интонациями, однако от этого он только сильнее походил на работа. – И с этой задачей вы справились прекрасно, я здесь вовсе не для того, чтобы читать вам нотации о недопустимости эмоциональной составляющей деловой переписки. В вашем отчёте содержится вполне оправданный вывод о причинах смерти господина Сидоренко, по нашим данным он недалёк от действительности. Тем не менее, мы вынуждены будем ограничить доступ к вашему отчёту в том числе администрации Собрания Архонтов по причинам несколько деликатного свойства. Перед оглашением данных причин я вынужден просить вас выразить своё согласие на неразглашение содержания нашей с вами беседы и самого факта таковой.

Слегка похолодев внутренне, Анечка осторожно кивнула, получила в ответ дежурную улыбку и приготовилась слушать.

– После кончины Архонта Сидоренко вывод о том, что причиной его смерти был застарелый алкоголизм сложился не только у вас, но и у прибывших на место происшествия следственных органов. У нас свободное общество и данная информация моментально появилась в медийном пространстве. Однако, как вам должно быть известно, Архонты не совсем обычные

¹² ВКОП – Всемирный комитет охраны порядка.

люди, покойный Илья Петрович, например, имел огромный авторитет, благодаря своему личному вкладу в Победу. Не далее чем позавчера комитет по науке Объединенного Правительства абсолютным большинством голосов принял резолюцию об инициировании исследований на предмет изучения возможного негативного воздействия внешних технологий. – Полковник сделал паузу и одобряющий правительственное решение жест. – Одним из главных активистов, можно сказать, основным двигателем данной резолюции являлся именно господин Сидоренко. Я не сильно приукрашу действительное положение дел, если скажу, что в общем-то именно благодаря его несокрушимо упорству данная резолюция была поставлена на голосование и принята. Понимаете, Анна Юрьевна, в какое неудобное, двусмысленное положение попали комитет по науке, правительство и Собрание? Допустить распространение новости о том, что власть пошла на поводу у алкоголика, пусть даже и заслуженного, мы решительно не можем. Поэтому просим вас отнестись с пониманием к необходимости информационной блокировки вашего отчёта, а также к режиму нераспространения нежелательной информации.

– Да, конечно... Если так нужно... – Анечка ожидала чего-то значительно более страшного. – Мне, наверное, следует подготовить новый отчёт?

– Это было бы очень кстати. Переделывать весь отчёт вовсе не обязательно, достаточно изменить некоторые формулировки в его последней части. Это будет совсем нетрудно. Уже опубликован официальный некролог. – Асмодиев слегка поклонился, словно приглашая присутствующую даму на танец. – Официальная часть моего визита завершена, Анна Юрьевна. С вами приятно иметь дело. Однако же я попрошу вас уделить мне ещё несколько минут, если Вы никуда не торопитесь.

– Разве только переделать отчёт... А так никуда.

– Я полагаю, что с этим можно подождать. Прошлый ваш документ уже блокирован и помещён в резервное хранилище, а мне совсем не хотелось бы тревожить столь очаровательную и умную женщину, как вы по каким-либо официальным поводам в будущем. – Полковник огляделся, обнаружил лавочку под клёном и указав на неё волевым подбородком произнёс. – Давайте присядем, если вы не возражаете.

Анечка не стала возражать. Асмодиев совершенно как на балу предложил ей руку, даже слегка щёлкнул каблуками, и бывший секретарь Апрельская в клетчатых тапочках проследовала в указанном направлении под руку с галантным кавалером. Возле скамейки полковник извлек из кармана носовой платок, предупредительно обмахнул место для своей спутницы, после чего аккуратно усадил Анну Юрьевну и разместился рядом.

– Вопросы, которые я хотел бы вам задать, в настоящее время не интересуют представляемую мною организацию, – начал Асмодиев. – Однако я с большой долей вероятности могу предположить, что они вскоре назреют, а мне не хотелось бы причинять вам неудобства, связанные с методами нашей работы, и вторгаться в ваше личное пространство, сваливаясь как снег на голову в неподходящее для этого время. Первый вопрос связан с содержанием записей, переданных господину Старобогатову. Не могли бы вы хотя бы вкратце изложить их содержание?

– Сколько угодно, – Анна почувствовала, что пресловутые блокноты начинают ей надоедать так же, как и Кассандре. – Это рукопись. Песенник на винную тематику, где-то на три четверти первого блокнота. Дальнейшее содержание – рецепты по изготовлению метилкарбиноловых зелий в алфавитном порядке. Написано чернилами. Всё.

– И вы сделали предположение, что...

– Я просто констатировала очевидное, а Кассандра мои предположения полностью подтвердила. Содержание прекрасно совпадает с образом жизни покойного. Потом я прочитала официальное сообщение, где говорилось об отравлении некачественным алкоголем, поэтому у меня не осталось не малейшего повода сомневаться в правильности сделанных выводов.

– Сообщение опровергнуто ещё вчера. Виновные в разглашении тайны следствия строго наказаны. – Полковник старался говорить строго, но в голосе его слышалось явное облегчение. – Но в целом это действительно хорошая новость, более того вы избавили меня от необходимости спрашивать вас о том, каковы были основания для выводов о причинах смерти Архонта. А как отреагировал господин Старобогатов на такое странное наследство?

– Честно пытался найти во всём произошедшем какое-нибудь логическое зерно, даже заманил для этой цели к себе в гости госпожу Новикову, но абсолютно безрезультатно, насколько я понял.

– Да-да... Я читал ваш остроумный отчёт. У вас несомненный талант писателя, – Асмодиев помолчал, как бы набираясь смелости перед решающим шагом. – Скажите, Анна Юрьевна, могли бы мы рассчитывать на вашу дальнейшую помощь? Я уверен, что Константин Игоревич не станет прекращать попыток обнаружить скрытый смысл в поступках покойного. Архонты вообще не любят признавать себя побежденными, а в обстоятельствах, которые касаются жизни и смерти собрата, копаются до бесконечности. Уж чем-чем, а временем они располагают... Вы не поверите, но они до сих пор шлют запросы во ВКОП по поводу гибели господина Джонсона, а ведь прошло уже сорок девять лет! Теперь ещё и это... Лично у меня не вызывает никаких сомнений, что официальная версия произошедшего основана на достаточно веских доказательствах, при этом, разумеется, все мы не без греха... Так вот, колоссальная эрудиция господина Старобогатова могла бы оказать нам несомненную помощь, но как показывает практика нашей работы, из почти что сотни Архонтов, которых мы пытались привлечь к сотрудничеству в той или иной форме, согласие дал только один, нейтрально отнеслись к предложению одиннадцать, остальные отреагировали резко отрицательно. Не могли бы вы...

Анечка почувствовала, как вожденная свобода стягивается железными обручами. Далёкий сонный Старобогатов вдруг представился ей маленьким и беззащитным книжником, а вокруг него бродили толпы галантных полковников в серых костюмах и фальшиво восхищались его колоссальной эрудицией. Воображаемый будущий кот пытался сорвать с себя ошейник со встроенным микрофоном. Душа требовала протеста. Анна сбросила тапки и забралась на лавочку с ногами. Точь-в-точь как Кассандра вчера на диван.

– К великому моему сожалению, я ровно ничем не смогу вам помочь в данном вопросе, господин полковник, – она улыбнулась ему самой обворожительной улыбкой. – Помимо отчёта сегодня утром мною был подготовлен и направлен в работу документ об уходе с занимаемой должности. Если вы обратили внимание, я даже подписалась как бывший секретарь. Так что после завершения последних формальностей я намерена жить совершенно ординарной жизнью. вам гораздо больше пользы принесёт помощница в лице счастливо обнаруженной неподалёку госпожи Новиковой Кассандры Алексеевны.

– Конечно же я обратил на это внимание, но полагал, что это обычная обида, за которой не последует столь радикальных шагов с вашей стороны... – Асмодиев явно расстроился. – Кассандра давно уже является нашим осведомителем, довольно бестолковым, правда. Я думаю, вы успели это заметить. Но... Вы же прекрасный во всех отношениях секретарь, это огромная утрата для господина Старобогатова. И потом ведь вы же...

– Любовники? Вы это хотели сказать, верно? – внезапно мир вокруг Анны поплыл, глаза наполнились злыми и жгучими слезами. – Да, так и было. Он был единственным человеком, которого я любила, и что? Вы представить себе не можете, каково это находиться рядом с человеком, который не может измениться. Особенно для женщины, если она равнодушна к этому человеку. Если она не единственная и даже не имеет ни малейшего шанса таковой стать... Если не будет детей, потому что он не хочет их хоронить...

Последние слова Анечка произнесла уже навзрыд. Сквозь душившие её слёзы она не слышала извиняющегося бормотания Асмодиева и не видела как он растворился в окружающей осени. Пиликал коммуникатор, на прогулку вышли дети, падали на лавочку жёлтые с баг-

рянцем листья клёна, а она плакала и не могла остановиться. Несправедливость этого несчастного человеческого мира способна разорвать любое, даже каменное сердце, а бедную Анечку сложно было упрекнуть в жестокосердии. Не скоро, но слёзы у неё всё же иссякли, и она увидела, что с того самого места, где восседал во время их беседы полковник на неё внимательно смотрит ярко-зелёными глазами небольшой серый кот.

Старобогатов. Недоброе утро

Анюта осталась у меня, но ничего романтического у нас не случилось. Она моментально уснула, а я долго не мог и таращился в потолок, перекатывая в голове блокноты и бутылки. Потом был сон, мелькающий, словно старый фильм на экране, и безобразный, из которого я запомнил только последний фрагмент.

Мы играли в прятки. Мы – это люди из разных эпох, моя первая и единственная жена, мои дети, помощницы, Введенский, Чехов, другие писатели и поэты, нас было очень много и все были молоды, счастливы и здоровы. Потом я спрятался. Во сне мне было понятно, что спрятался отлично, изобретательно, хотя я просто залез в какую-то большую коробку. В моём укрытии было уютно и замечательно, победа в игре была обеспечена, и через эти приятные ощущения, словно кровь через белоснежную повязку проступала тревога, постепенно превратившаяся в предчувствие близкой неотвратимой беды. Я стал бояться выглянуть из своего укрытия... Но не потому, что не хотел быть найденным, а из-за того что беда была уже здесь, рядом, за стенами коробки. Когда я выглянул – на залитой солнцем поляне резвились дряхлые старики и старухи. Они умирали на бегу, падали и распадались в прах, до тех пор, пока из тех, с кем я начинал играть, не осталось никого. Потом пришли новые люди, я вышел к ним, но никто из них не знал и не замечал меня...

Я проснулся разбитым и одиноким, было около пяти утра. Анечка моя спала, свернувшись калачиком, в тусклом утреннем свете было видно, как пульсирует жилка у неё на шее, в такт жилке подрагивал золотой кулон – кот с изумрудными глазками, расположившись в ложбинке между грудями. Я стал вспоминать, была ли она у меня во сне среди играющих, и не мог вспомнить. Или просто не хотел...

Вскоре её сон стал беспокойным, она нахмурилась, просыпаясь, я прикрыл глаза и притворился спящим.

Аня, стараясь не издавать ни звука, встала, зашуршала одеждой, затем тихонько скрипнула дверь спальни, потом входная. Ушла... Я поднялся и подошёл к окну. Из парадного входа никто не выходил. Скорее всего, она направилась в приёмный зал. Я взялся за коммуникатор и быстренько проставил оценки кулинару-реставратору на случай, если Анюте вдруг припало усердие к письменным делам.

Для совершения дел человека проснувшегося нужно было тихонечко пройти мимо спящей на диване Кассандры. Я осторожно высунулся в гостиную и встретился с ней взглядом... Прямо слёт жаворонков какой-то. Никому не спится.

– Доброе утро, Константин Игоревич! – деловым голосом заявила мне моя гостья. – Времени у нас не так много, возможно, его и вовсе нет, поэтому хочу сразу же сказать вам несколько слов, пока мы одни.

– Доброе утро, – буркнул я. Терпеть не могу остановок по дороге в туалет... – Может быть, всё-таки дать вам полотенце и утро станет ещё добрее?

– Потом, если можно. Если у вас не вызывает непреодолимого отвращения мой растрепанный вид.

Я хотел было сообщить, что вид женщины, проснувшейся в доме мужчины, всегда прекрасен в глазах его, но остерегся и просто помотал головой. Тем более, что выглядела она действительно замечательно.

– Тогда я начинаю, – Кассандра протянула мне свой коммуникатор. – Пароль для входа 19771112, доступ к нужным скрытым папкам 284116. Сможете запомнить?

– Пожалуй, смог бы, но лучше запишу, – ответил я и потянулся за коммуникатором.

– Запишите на бумаге, только не потеряйте раньше времени. В скрытых папках вы найдёте, возможно, полезную для вас информацию, там есть контакты большинства наших с Ильёй

гостей, перечень людей, которым он рассылал посылки с алкоголем и ещё кое-что по мелочи. Не удивляйтесь, пожалуйста, что я не предложила и не передала вам их сразу. Я осведомитель ВКОП и стала им практически сразу же после начала работы у Ильи. Так получилось по моей глупости... Насколько я понимаю, в сферу интересов комитета входит наблюдение за деятельностью практически всех Архонтов, поэтому большинство из нас регулярно докладывает им о вас. Я не могла быть уверена относительно Анны, поэтому с передачей вам информации мне пришлось повременить до удобного момента.

Сказать, что я был удивлён – значило ничего не сказать. Агент Кассандра звучит конечно неплохо, но совершенно не вяжется со всеми вчерашними событиями. Между тем гостья моя проследила, чтобы я правильно записал пароли, после чего продолжила.

– Довольно быстро я поняла, что совершила ошибку, согласившись работать на органы. Илья был замечательным человеком. Поэтому я осведомляла комитетчиков далеко не обо всём, что могло бы заинтересовать ВКОП. Он просто не мог сделать ничего дурного. Я уверена. Мне приходилось постоянно ссылаться на плохую память, она у меня действительно неважная, и на то, что приходится с ним выпивать, сообщая при этом достаточно ненужных подробностей. В конце концов они махнули на меня рукой. Перед тем, как ехать к вам с блокнотами, я разбила коммуникатор, по которому они могли меня отследить. По неловкости и нечаянно, разумеется. Этот – запасной. В принципе я сказала вам всё, что хотела. Самое время скопировать файлы куда-нибудь в защищённое место. Мне бы пригодился работающий коммуникатор, только не забудьте удалить с него скопированную информацию. И вот ещё что. Илья не совершал бессмысленных поступков. С его разумом всё было в полном порядке. Я надеюсь, вы сумеете понять то, что он хотел сказать.

Я послушно поплелся выполнять поручение Кассандры. Она торопилась и опасалась. Кого? ВКОП, конечно же. Выходит, они могут и сюда заявиться... Доброго утречка, что называется. Копирование не заняло много времени, через три минуты я вернул ей устройство. Моя необычная гостья всё так же сидела на диване. У меня в голове вертелась тысяча новых вопросов, но задать я не успел ни одного.

– Я действительно не имею представления о том, какое значение имеют эти записи, посылки, учёные и чернила. Так лучше, – печально сказала Кассандра. – Всё, что я говорила вчера – правда. Сейчас я с удовольствием воспользуюсь Вашим гостеприимством, а потом у меня будет ещё одна не совсем обычная просьба...

Я быстренько добежал до ванной плеснул себе в лицо водой, достал чистое полотенце с драконами и повесил его на видное место, посомневался пару секунд и вынул из шкафчика банный халат Анны и отнес в гостиную. Гостья моя приняла из моих рук халат, благодарно кивнула и удалилась в ванную, а я, схватив свой коммуникатор, нырнул в туалет, намереваясь хотя бы бегло просмотреть скопированные файлы. Не успел я устроиться как следует, загорелся сигнал поступившего служебного письма. Это был отчёт о вчерашних встречах. Сначала я хотел подписать его не читая, но на последней странице глаза мои уперлись в надпись «Бывший секретарь», напротив которой стояла подпись Анечки... Пулей я вылетел из туалета, как только смог, наскоро оделся и вывалился на площадку. Писать отчёт Анечка могла где угодно, но удобнее всего это было сделать в приёмном зале на первом этаже, так что скорее всего она должна была быть там.

Вызванный лифт плавно проследовал мимо меня наверх, второй и третий не реагировали на вызов. Было без четверти семь... Слишком рано для включения всех лифтов... Три мудреца в одном тазу!!! И кому же кроме меня не спится в такую рань? В ожидании я перенёс все файлы Кассандры в папку под названием «Несуразности», скрыл её, снабдив паролем «только не сейчас».

Наконец, лифт явился. Пустой. Может быть, кто-то с ночной гулянки вернуться соизволил? Вообще-то я читаю очень быстро, поэтому когда я вломился в приёмный зал, у меня было

жуткое желание надрать вредной Аньке уши. «...принята поражающая мужское воображение Новикова Кассандра... заострено внимание... слабая сообразительность». Это уже не бунт, это, знаете ли, за гранью добра и зла!

Увы, уши вредной Аньки, как и все остальные части её тела, благополучно убыли из приёмного зала. На экране осталась заполненная форма об увольнении. Я скрипнул зубами, сердито пробормотал: «Везет же некоторым... кто рано встаёт», – и направился обратно. У меня же Кассандра в ванной... Да и не стал бы я догонять вредину свою. Крамольница, понимаешь... Шпионки, бунтовщицы, хулиганки, осведомительницы... Чего там ещё не хватает мне для полного счастья? Обыска с утра пораньше, чур меня...

Дома меня встретил запах готовящейся яичницы. Кассандра орудовала на кухне, будучи облаченной в мой передник и свою рубашку, едва прикрывавшую аппетитный зад. Я хмуро уставился на эту картину, оценивая как отреагировала бы на подобное зрелище «бывший секретарь».

Гостья весело помахала мне рукой, приглашая присоединиться к приготовлению завтрака.

– Простите, если вас расстраивает мой вид, мне надо поддерживать репутацию глупой и непутёвой девки без царя в голове, на случай внезапного визита моих друзей из ВКОПа, – пояснила она, но, не увидев ответной реакции с моей стороны, тут же переспросила: – У вас что-то нехорошее случилось?

– Анна уволилась пятнадцать минут назад. А перед этим сочинила самый ехидный отчёт, который я только видел за всё время своей работы, – выдал я из себя. – Не документ, а сочинение на тему «Как Старобогатов Кассандру Новикову охмурял». Давайте помогу.

Мы в молчании разложили яичницу по тарелкам и принялись есть. Я готовлю лучше, но и блюдо, приготовленное руками вжившейся в образ шпионки, было вполне съедобно. Слишком много невозможных новостей и бесполезной суеты, а ведь день ещё и не начинался толком... Мне жутко захотелось остаться одному. Даже стройные загорелые ноги Новиковой К.А., экипированные голографическим педикюром, не вызывали у меня никаких положительных эмоций. Ну или почти не вызывали.

– Я скоро вернусь туда, откуда явилась, – мягко сказала Кассандра. Видимо решила, что теперь её очередь меня утешать. – Может быть, Анна вернётся?

– Сомневаюсь... Вы говорили еще о какой-то просьбе ко мне? Чем могу?

– Водка. Или что-то равное по силе воздействия на слабый женский организм. У вас есть какой-нибудь напиток покрепче? По моей легенде я от потрясения, вызванного смертью Илюши, отправившись выполнять его последнюю волю, в дороге невообразимо налилась, разбила коммуникатор, и решительно ничего больше не помню толком. Так... смутные воспоминания. Рыдала, отмывалась, потом спала где-то в незнакомом месте, покормили меня люди добрые. Потом снова выпила. Соблазнять пыталась кого-то, вроде как вас, а может и не вас, – Кассандра развела руками. – А может, вы меня соблазнить пытались? Не помню – и всё тут... Стоит мне выпить хотя бы рюмку под релаксин¹³, и события нескольких последних дней перемешиваются у меня в голове до невозможности, никакие считыватели памяти в этой каше разобраться не могут, пробовала однажды на спор – выиграла. А трезвые воспоминания пусть себе разглядывают. Хотя может и пронесёт на сей раз, Ильи ведь нет уже... Может, они его хотя бы мёртвого в покое оставят...

Несмотря на все сегодняшние неприятности, я посмотрел на свою гостью с нескрываемым уважением, покопался в шкафах и нашёл початую в незапамятные времена пыльную бутылку виски «Jameson». Кассандра быстро оделась, я вызвал ей машину. Забираясь в электро-

¹³ Успокоительные расслабляющие таблетки. Как утверждает производитель, не вызывают привыкания и не имеют побочных эффектов.

мобиль, она так здорово изображала подгулявшую даму, что я невольно посмотрел на бутылку в её руке и покачал головой. На прощание она неловко обняла меня за шею и звонко чмокнула в щёку, после чего отхлебнула из бутылки довольно приличный глоток.

Я расплатился с водителем, и машина уехала.

Не стану скрывать, я испытал серьёзное облегчение, когда транспорт с Кассандрой на борту скрылся за поворотом.

Надо сказать, преданность Кассандры покойному Архонту произвела на меня впечатление едва ли не более сильное, чем вчерашние блокноты. Может, так и выглядит настоящая любовь? Если ты знаешь за собой целую кучу недостатков, ошибок молодости и пытаешься всё это обратить на пользу тому, кого любишь. Не пытаешься понять, почему твой любимый человек вытворяет непонятное, а уж тем более его осуждать за это – просто веришь, что надо так и никак иначе.

И мне стало ужасно жаль Анечку. Она тоже когда-то верила мне и в меня... А я что мог ей дать в ответ? Только свой многолетний опыт... И наблюдать в очередной раз, как на моих глазах зарождается, расцветает и гибнет то, ради чего только и стоит жить... Я взялся за коммуникатор, попытался ещё раз перечитать хулиганский отчёт, но у меня ничего не вышло. «Доступ к запрашиваемому документу ограничен или документ удалён», – сообщило мне бездушное устройство, голосом очень похожим на Анин.

Видимо, неприятности проводили Кассандру и решили остаться со мной. Первым делом я решил попытаться открыть прошлые отчёты – всё получилось, значит, коммуникатор исправен и с доступом в ЭХ всё обстоит нормально. Может быть, Анечка одумалась и решила всё исправить? Насколько я помню, в таком случае сообщается, что документ редактируется, предлагается же при этом открыть сохранённую копию. Собрание наше могло только изъять документ из публичного доступа, но я-то авторизован как Архонт... И кто из наших стал бы столь оперативно перечитывать ещё не утверждённый отчёт?

Значит, Кассандра опасалась не зря. Это ВКОП, больше никому... Но что там такого секретного могла написать несчастная моя Анюта? Я попытался связаться с ней, но безуспешно... Ладно, мы люди не гордые, можем и прогуляться, благо тут недалеко. Если она не оставила коммуникатор дома, а сама ушла куда-нибудь, и если разговаривать со мной захочет. Вроде бы я ничем её не обидел, но всё-таки...

А если обидел? Неспроста же она такой отчёт настрогала... Тогда мириться надо, в конце-концов, она всё, о чём я вчера просил, выполнила, повредничала, конечно, для порядка, но помогла. И если она уходит от меня, то подарить ей что-нибудь на прощание надо. Традиция у меня такая. Только вот что дарить? В деньгах у неё нужды не будет – выходное пособие у секретаря Архонта с пятнадцатилетним стажем немаленькое, да и не такой она человек. В любви к золоту-брильянтам она мною не замечена, кроме кулона я у неё никаких украшений за всё время не наблюдал. Гардероб дамы самостоятельно обновлять любят, с запахами угадывать – не мой профиль, я в парфюмерных магазинах только чихать умею...

Я решил срезать путь через двор и наткнулся на зоомагазин. Несмотря на ранний час, двери были открыты... Друга ей надо подарить, вот что! Пусть даже четвероногого. Несмотря на всю утреннюю кутерьму, я уже ощущал подступающее, как ощущение беды во сне, одиночество. И Ане моей предстояло пережить то же самое...

В магазине было шумно, судя по количеству галдящих птиц его смело можно было переименовать в орнитологический. Хозяин чистил клетки и насыпал корм. Попугай или ворон в качестве прощального подарка меня совершенно не устраивали. Сова? А что, они красивые и умные. Но не то... Нужен кто-то ласковый и уютный, а тут вон какие когти. В дальнем углу магазина весело кубились в вольере умильные щеночки. Я подошёл ближе. Вот эти могли бы подойти.

Тёмно-серого кота я заметил не сразу. Он сидел в клетке совершенно один, забившись в угол и так бы и остался незамеченным, если бы не открытое окно. Дунул ветерок, окно попыталось захлопнуться, а отражённое солнце осветило печальные глаза цвета молодой травы, пушистые бакенбарды, и я понял, что это именно тот, кого я искал. Анечка любила кошек, кулон опять же соответствующий. «Житейские воззрения кота Мурра» Гофмана, например, она прочитала только в той части, где повествование велось от имени кота. Хозяин охотно объяснил, что беднягу не успели, купить пока он был в нежном возрасте, а связываться с подростком особого желания никто не проявлял. Даже имени у него не было.

Кот с большим воодушевлением воспринял освобождение. Будущий друг Анечки оказался милостивым созданием умеренной пушистости с туго набитым подшёрстком. Сажать его в тесную переноску после месяцев одиночного заключения было жестоко, я понёс его на руках. В дороге кот показал себя спокойным и любопытным – нюхал воздух, с интересом глазел по сторонам, время от времени принимался мурлыкать. Мне стало немного жалко так быстро с ним расставаться.

Анечка обнаружилась на скамейке недалеко от своего подъезда. Рядом с ней сидел мужественного вида хмырь в солнцезащитных очках. Я бы скорее всего не заметил их, но она стала говорить громко, постепенно перешла почти на крик и разрыдалась. Её собеседник что-то тихо бормотал, но она не слушала, а я стоял и не знал, что мне делать. Я не расслышал всего, что сказала Анна, но «...не единственная и даже не имеет ни малейшего шанса таковой стать... Если не будет детей, потому что он не хочет их хоронить...» разобрал совершенно отчётливо. Следовало же из этого, что причиной слёз был вовсе не хмырь...

Пока я размышлял, как нам с котом следует поступить дальше, место на лавочке освободилось – собеседник Анюты, вертя головой по сторонам, удалился. Бонд. Джеймс Бонд... Комиссар Лебель... Или Шакал всё-таки?¹⁴

Я подошёл ближе. Что-то слишком часто мне в последнее время попадаются плачущие женщины... Кот на моих руках напрягся, словно собираясь драпануть. Но когда я перевел на него взгляд, оказалось, что он смотрит на рыдающую Анну – не отрываясь и даже не мигая. Я осторожно, стараясь остаться незамеченным, пересадил его на лавочку, подождал в стороне, пока Аня не увидела его и не взяла на руки, и пошёл домой.

¹⁴ Лебель и Шакал – персонажи романа английского писателя Фредерика Форсайта «День Шакала» (1971) о попытке вождей подпольной организации OAS убить президента Франции Шарля де Голля руками профессионального наёмного убийцы.

Отец Никодим. Престольный праздник

На литургию в престольный праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня в храм пришло почти двадцать человек. Отец Никодим служил с большим воодушевлением, а вот проповедь не заладилась. Он хотел сказать о том, почему Господь назвал блаженными тех, кто полагает душу за други своя, но не увидел отклика в глазах прихожан и стушевался.

Ему казалось, что люди просто не слышат обращенных к ним слов, а терпеливо переживают его речь, раз уж пришли. Поэтому проповедь отец Никодим закончил быстро, а когда храм опустел, стал служить панихиду о новопреставленном рабе Божиим Илиим.

В первый или второй приезд Илья Петрович спросил, может ли считаться с точки зрения Церкви погибшим ради друзей человек, у которого нет друзей. Тогда настоятель долго пытался уточнить, кого же пытается спасти погибающий. Выяснилось, что спасти этот погибающий никого особенно не надеется, а просто чувствует, что дальше так жить нельзя, и пытается указать на это, возможно, ценой своей жизни. Поэтому получается, что всех сразу и никого конкретно.

Они тогда долго беседовали. Отец Никодим, подозревая нехорошее, пытался узнать подробности, советовал искать иные пути для пробуждения дремлющих, но гость отделялся общими фразами и ничего не объяснил.

Был, правда, потом ещё один разговор на похожую тему. Тогда Архонт спросил, как быть человеку, если жизнь ему дарована Богом, он её прожил как умел, стараясь жить по совести, но вот совершенно ясно ему, что жив он не по соизволению Всевышнего, а потому, что кто-то ставит над ним гнусный и жестокий эксперимент. И снова попытки узнать подробности успехом не увенчались.

Помнится, тогда отец Никодим даже рассердился и сказал, что не в человеческих силах верно оценить происходящее с ним и, тем более, судить о Божиим произволении, в ответ Илья Петрович усмехнувшись спросил: «А если речь уже не совсем про человека?»

Вообще же гостем новопреставленный раб Божий Илия был замечательным. В каждый приезд подходил к исповеди, правда, каялся всегда в одном и том же – пьянстве, блуде и непокорности властям. Он ходил с настоятелем на рыбалку, вытаскивая из реки совершенно немыслимое количество рыбы, щедро жаловал котлов, которые в нём души не чаяли. Помогал делать вино, обнаруживая при этом глубокие познания и немалую сноровку.

Ещё он очень интересовался жизнью отца Никодима, в особенности тем, как она складывалась до рукоположения, и штудировал метрические книги и мемуары, оставленные двадцатью поколениями семьи Поповых, подолгу что-то писал в библиотеке.

Когда после панихиды настоятель отправился домой, на пути его встретил собственной персоной глава городской управы. Его просто распирало от радости. На приглашение в дом мэра ответил величественным отказом, с видом победителя вручил настоятелю под роспись какие-то конверты и, насвистывая, убрался за ограду.

Отец Никодим не успел даже войти в дом, когда у ворот остановился фургон Департамента городского земельного контроля, откуда посыпались одетые в парадную форму чиновники, возглавляемые заместителем главы городской управы. Не обращая никакого внимания на удивлённого священника, они проследовали непосредственно в огород и начали делать обмеры и щёлкать камерами. Заместитель мэра сразу же заносил полученные от подчинённых данные в акт. Тем временем у ограды появилась ещё одна машина – броневик отряда быстрого реагирования, изрыгнувший трех полностью экипированных полицейских, которые рассредоточились по территории и принялись охранять мероприятие.

Через десять минут контроль свершился. Землемеры вышли за ворота, а вице-мэр предложил отцу Никодиму расписаться в получении акта. Когда настоятель взял в руки предложенную бумагу и попытался её прочесть, заместитель сразу же призвал присутствующие правоохранительные органы зафиксировать отказ от удостоверения подписью факта передачи акта проверки нарушителю. Правоохранительные органы отреагировали незамедлительно и профессионально.

Уладив формальности, честная компания удалилась, а отец Никодим смог, наконец, добраться домой.

Он поставил греться чайник и стал читать.

Из акта следовало, что в его присутствии была произведена проверка, результатом которой стало выявление вопиющего факта нецелевого использования земельного участка, имеющего ВРИ¹⁵– размещение и эксплуатация зданий и сооружений религиозного использования под ведение личного подсобного хозяйства. В том числе для выращивания картофеля – 289 кв.м, томатов – 143 кв.м, огурцов – 107 кв.м... Такому же скрупулёзному учёту подверглись грядки с зеленью, морковью и чесноком, две яблони, груша и вишня. Отдельной строкой указывался виноградник.

Нарушителю землепользовательских правил предписывалось явиться в городской суд для дачи объяснений ровно через три дня, составитель акта призывал подвергнуть виновное лицо гигантскому штрафу, в качестве обеспечительной меры запретить использование огорода на всё время разбирательства.

В первом конверте обнаружилось уведомление о проведении только что завершившейся проверки, составленное, если верить дате, неделю назад.

Второй содержал требование о проведении инвентаризации винных запасов храма, для чего надлежало представить в Департамент по контролю за благополучием населения сведения о средней урожайности виноградника за последние 10 лет, технологическую карту производства спиртосодержащего напитка, сертификаты на используемые для целей производства ёмкости, реестр расхода вина за те же 10 лет, документы, подтверждающие наличие соответствующего ВРИ у земельного участка, занимаемого виноградником и много чего ещё. Зловредная бумага предупреждала о всевозможных карах за непредоставление запрашиваемых сведений, а отводились на всё те же три дня. Время визитов в городскую управу и суд было назначено с интервалом в четверть часа.

Отец Никодим расстроено вздохнул и вскрыл третий конверт. На этот раз трехдневный срок отводился для оплаты за пользование родниковой водой, каковую всевидящее око соответствующего управления оценило по тарифу за пользование недрами. К оплате предъявлялись платежи за последние три года, обложенные пенями и штрафами за несвоевременное исполнение гражданского долга. Сумма была небольшой, но мелкие буквы внизу листа требовали предоставления заключения о санитарно-эпидемиологической безопасности воды, предупреждая что без наличия такового использование источника для отпуска воды населению является деянием, наказуемым всеми доступными государству способами, вплоть до тюремного заключения.

Когда после выступления возле городской управы в храме пытались открыть музей, Илья Петрович, помнится, скрипнул зубами, сфотографировал весь канцелярский помёт, которым сопровождалась эти попытки, и посоветовал затаиться. Дело разрешилось благополучно, храм остался действующим памятником архитектуры.

А к явившимся для расправы работникам Департамента по контролю за благополучием Архонт, очень кстати оказавшийся в гостях у отца Никодима, вывалился в растрёпанном виде,

¹⁵ Данная аббревиатура с незапамятных времён означает вид разрешенного использования. Что характерно и безусловно символизирует...

предварительно сделав пару глотков вина. Изобразив вдребезги пьяного, он принялся гоняться за перепуганными служащими, обидно обзываясь и обещая произвести над ними насильственные действия сексуального характера.

На следующий день он явился в городскую управу, где потребовал привлечь к ответственности виновных в неуважении к Собранию Архонтов и традициям гостеприимства, от соблюдения которых он оказался отвлечён самым возмутительным образом. На прощание он пригрозил заняться окопавшимися в управе паразитами всерьёз и хлопнул дверью.

Судя по тому, что в следующие полгода городская управа принимала проверяющих самого различного уровня и занималась отписками, ради чего пришлось расширить отдел делопроизводства сразу на три единицы, слов Ильи Петровича на ветер не бросал. Дело о незаконной торговле вином, якобы осуществляемой настоятелем храма, было изъято из производства местного Департамента и сгинуло в областном архиве.

Поэтому в сегодняшних приключениях в общем-то не было ничего удивительного. Неприятно поражала только оперативность реакции на сообщение о смерти Ильи Петровича. Удовлетворить все запросы у отца Никодима не было решительно никакой возможности, тем более в течение трёх дней.

Он налил себе чай и присел у окошка. Был ясный и погожий осенний день, но настоятелю казалось, что во дворе клубится зеленоватый грязный туман. Радоваться и веселиться воздвигнутым гонениям совсем не получалось.

Полагающий душу за други своя вовсе не гарантирует им долгой и счастливой жизни, он просто передаёт им свой шанс, ведь ничего другого у него нет. И сколь не была бы велика принесенная во имя других жертва, она запросто может остаться незамеченной, а, может быть, и вовсе ненужной. Стая, спасённая жертвой вожака от одной опасности, может пасть перед другой. Люди, чью жизнь отстояли ценой невероятных усилий, бездумно растрачивают её впустую, не забывая грызть себе подобных.

Отец Никодим, обжигаясь, пил чай и жалел, что не успел сказать таких слов новопреставленному рабу Божию Илию.

Долотов. Захват духа

В это же утро старший магистр-архивариус Долотов переживал события гораздо более приятные. Прежде всего, он перестал быть старшим магистром-архивариусом, возвысился сразу на четыре служебных ступени и оказался руководителем отдела по обеспечению исследований возможного негативного влияния внешних технологий исторической информацией, а также сопутствующего сбора архивных образцов. В отдел надлежало принять четырех сотрудников, одного секретаря и занять три кабинета, ранее используемых для хранения всяческой рухляди и стратегических запасов пыли.

Пока новое обиталище освобождалось от старья, Андрей Леонидович заручился согласием заведующего и разослал в несколько кадровых агентств запросы о подборе кандидатуры личного секретаря, разумеется, женского полу. Долотов решил, что его будущая помощница должна обладать навыками делопроизводства в электронной, а также бумажной форме, умением работать с каталогами и образцами. И свободно владеть английским языком. Честно говоря, пункт про знание языка Андрей Леонидович вписал для солидности, потому что предмет занятий возглавляемого подразделения представлялся ему весьма туманным. Конечно, присутствовала вероятность участия в международных конференциях и прочие научные прятники.... Под каким же предлогом прикажете тащить незаменимую сотрудницу на симпозиум, если она не владеет языками?

Выбор соратников для достижения неопределенных целей оказался сложнейшей задачей! За полчаса напряжённых размышлений новоиспеченный руководитель перебрал в уме знакомых ему работников Архива и всех решительно отверг. Некоторых даже с негодованием. Он уже совсем было собрался отправиться за советом к Эсперанскому, но тут посыпались уточняющие вопросы от кадровых агентств, и визит к начальству пришлось отложить.

Нуждающемуся в секретаре Андрею Леонидовичу пришлось уточнить цвет волос, возраст и семейное положение претендентки. Определиться с ростом, размером бюста, весом, условиями и местом проживания. Долотов так увлёкся описанием желаемых характеристик, что даже рывкнул на рабочего, присланного оказать помощь при переселении.

Переехать оказалось совсем несложно. Помещения под создаваемый отдел оказались заботливо укомплектованы новенькой мебелью, среди которой расхаживал довольный замзав. Аркадий Евгеньевич сердечно поприветствовал коллегу, призвал обращаться без церемоний в случае чего и замолвил словечко за балбеса-племянника. По словам заместителя, родственник был редкостным шалопаем, правда, не лишённым определенных способностей и очень нуждался в чутком руководстве, дабы из него вышел толк.

Андрею Леонидовичу стало неудобно отказывать, и он обещал тщательно подумать над предложением Аркадия Евгеньевича как только определит и согласует поле будущей деятельности. Замзав дружески хлопнул Долотова по плечу и доверительно сообщил, что через десять – самое большее пятнадцать – минут к новому руководителю повалят все без исключения молодые специалисты архива, жаждущие карьерного роста и научных почестей. Аркадий Евгеньевич посоветовал их внимательно выслушать, заставить сочинить план будущей деятельности, а затем отобрать самых толковых. Если будет их слишком много – а так и будет – то пообещать место после расширения отдела. Главное, не обнаруживать растерянности – и дело пойдёт.

Восхищённый Андрей Леонидович крепко пожал волосатую руку заместителя, тот радостно поведал о скорой доставке новой техники, посоветовал старую оставить в прошлом и удалился.

Долотов быстро разложил свои небогатые пожитки, но огромный стол остался возмутительно пустым. Вскоре привезли технику, причем сразу на весь будущий отдел. Андрею

Леонидовичу достались: здоровенный моноблок с голографическим эффектом, клавиатура со встроенным диктографом, два электронных микроскопа различной мощности, которые он безуспешно пытался выпросить себе раньше, ультрамодный коммуникатор, спектрограф и хронометр, определяющий орбитальное время с точностью до одной тысячной секунды. Стало намного уютнее, а, главное, солиднее и научнее.

Андрей Леонидович перенес свою учётную запись и едва успел возобновить консультации по подбору помощницы, как раздался нерешительный стук.

– Войдите! – недовольно гаркнул Долотов.

– Здравствуйте... – раздалось из-за двери. – У меня не получается открыть...

– На себя тяните.

Дверь совершила ещё несколько судорожных подёргиваний и нехотя впустила в комнату младшего научного сотрудника Скомородского. Андрей Леонидович не мог вспомнить его имени-отчества, потому что Скомордский был личностью незаметной, серенькой и неопрятной. Настоящий гадкий утёнок, только лишённый всяческих перспектив на прекрасную будущность. Перебирая в памяти работников Архива как потенциальных будущих подчинённых, новоиспеченный руководитель даже не стал задерживать своего внимания на столь незначительной персоне.

– Садитесь! – резко приказал Долотов. – С чем пожаловали?

– Я вот... поздравить хотел и вообще... спросить... – тихонько начал посетитель, запинаясь через слово и пытаясь пригласить сальные вихры. – Вы же сотрудников набирать будете? Я думал... Может, пригожусь вам...

– Ну что же. Расскажите, чем, по вашему мнению, вы можете оказаться полезным в нашей области исследований?

– Я на всё сгожусь... Что прикажете... То и буду... Я усидчивый... очень...

– Мы не в курятнике с вами, – изрёк Андрей Леонидович, любуясь собой в отражении стеклянной дверцы пустого шкафа, – здесь одна усидчивость решительно ничего не принесёт. И не в парикмахерской. Оставьте свою голову в покое. Если у вас есть желание работать над новым и перспективным направлением рука об руку с лучшими специалистами, – Долотов горделиво огладил пиджак, – вам надлежит крепко и серьёзно задуматься над тем, как именно вы видите свою работу, подходить к ней творчески и отдаваться ей без остатка.

Последние слова грозный Андрей Леонидович произнёс, глядя на экран, где высветился профайл весьма недурной особы, предлагавшей себя в секретари, поэтому прозвучали они особенно убедительно. Он рассматривал её портрет около минуты, чувствуя на себе искательный взгляд просителя. Затем, как бы прерывая нить важных размышлений, неожиданно хлопнул ладонью по столу. Раздался звук похожий на выстрел. Скомородский побелел и проявил намерение лишиться чувств от страха, сам хозяин кабинета тоже слегка испугался – столь мощного шумового эффекта он не ожидал.

– Предлагаю поступить так. Вы хорошенько обдумываете, в чём можете оказать действительную помощь отделу, составляете докладную на моё имя, а я внимательно её рассмотрю, – Долотов говорил тоном, не допускающим возражений, стремительно входя в роль руководителя. – Только не ждите от меня манны небесной. Если ваш план окажется хорош – продолжим разговор предметно, если нет – я не стану рисковать авторитетом Архива ни по личным причинам, ни по каким-либо ещё. Успехов!

Скомородский старательно изобразил полное понимание, согласно кивая. Он резво вскочил, с грохотом уронил стул, неуклюже повозившись, поднял его, бормоча извинения отступил к двери и после нескольких попыток открыть её на себя, наконец, покинул кабинет.

«Работнички...» – раздражённо прошипел Андрей Леонидович и уже совсем было вернулся к своему занятию, но тут к нему без стука вломился второй заместитель отдела по работе с утратившими силу международными договорами и соглашениями Теодор Ложкин. Он был

полной противоположностью предыдущего визитёра: ухоженный, белокурый и голубоглазый, со спортивной фигурой. Ложкин считался главным сердцеедом Архива, пропадал в далёких командировках и относился к большей части коллег с нескрываемым презрением. Визитёр приветственно помахал рукой, без приглашения плюхнулся на стул и принялся осматриваться. Судя по его физиономии, обстановочка была так себе... На троечку с плюсом, не больше. Долотов сверлил его взглядом, сдерживая внезапный приступ первобытной ярости и желание выгнать наглеца вон.

– Поздравляю, старик, – жизнерадостно заявил Ложкин. – Сvezло тебе, не скрою зависти, но везёт сильнейшему, как известно. Иду к тебе первым заместителем, когда велишь приступить?

– Кто же это вас послал настолько далеко, Теодор Батькович? – ядовито поинтересовался хозяин кабинета. – Не настолько велик сей отдел, чтобы была нужда двух или более заместителей заводить. Да и вот какая штука... Здесь работать придётся, много работать, пахать целину, можно сказать. Поездок в заморские края не предвидится в ближайшее время, так что вряд ли приживётесь вы тут...

– Ты чего скрипишь, старик? Работать – это всякий сможет, а тебе руководство предстоит! Дело хлопотное, конечно, но всяко лучше, чем номера переклеивать и пыль сдувать. Кто ж тебе поможет, если не я? – Теодор стукнул себя кулаком в грудь, примирительно улыбнулся и продолжал. – И насчет поездок ты это зря. Как же, Вы, шеф будете разрабатывать свою перспективную тему, объединяющую наших отказников с ихними дауншифтерами и этими... как их... бразильскими тунейдцами короче, ежели лично не убедитесь в первопричинах того и другого социального явления? А места они выбирают, я тебе скажу!.. – Ложкин возвел очи к потолку. – А девки у них!..

Восхищение сластолюбца Теодора было столь велико, что его глаза полностью закатились под веки. Теперь физиономия посетителя производила жутковатое впечатление.

– Любопытно было бы узнать, причём тут историческая, а тем более архивная деятельность?

– То есть как это причём? Этим же движениям по триста лет с гаком! А бразильцам и того больше! Вот и станем хронологию событий проследивать и примитивными предметами не менее примитивного быта Архив набивать. Кому ещё, кроме нас, даровано почётное право копать в прошлом? Работы – непочатый край, социологи подтянутся как миленькие... – Ложкин понизил голос и задушевно прошептал. – Я в нашей бухгалтерии сегодня ассигновку на твоё направление смотрел. На такие деньжищи можно ещё один Архив отгрохать, честное благородное слово даю! Так что смотри – не зевай, коллега.

При всей неприязни к Теодору, Андрей Леонидович отметил про себя, что тема про отказников вполне себе недурна, а новость о щедром финансировании доставлена своевременно. Казнить гонца, принесшего добрую весть, на всём протяжении истории человечества было не принято, и Долотов немного смягчился.

– Тема сомнительная, тут осторожность нужна, знаешь ли, – заговорил в Андрее Леонидовиче стремительно оперяющийся руководитель. Он задумчиво почесал подбородок и ещё раз полюбовался своим отражением. – Учёные мужи народ ушлый и дотошный. Что мы как результат исследований миру явим? Живого отказника припрём? Да нам за такое Сергеич головы набекрень свернёт.

– Се речь не мальчика, но мужа! – одобрительно кивнул головой Ложкин. – Тогда полагаю, что следует параллельно усиленно заняться разработкой второй Вашей, ещё более перспективной темы по ретроспективному отслеживанию изменений в технологиях... – Теодор задумчиво повертел пальцами в воздухе, – ... медицинского назначения! По-моему, шикарно. Изучать будем применительно к разным климатическим поясам, в местных архивах. Санитарочки!..

– Остынь давай! – уже совсем миролюбиво и окончательно переходя на «ты» изрёк Долотов. – И зенки не закатывай, а то смотреть страшно. Иди и пиши план на обе темы. Если ещё чего взбредёт, тоже пиши. Эсперанского на предмет неусыпного научного руководства прощупать стоит. Согласует – твоя взяла. А теперь прощевай, мне помощницу искать надо. Только смотри у меня, – Андрей Леонидович покачал здоровенным костлявым кулаком, – будешь клинья подбивать...

– Ни-ни... Да чтоб мне лопнуть! – заверил Ложкин, и они расстались практически друзьями.

Следующие два часа прошли в полном соответствии с предсказаниями многоопытного Аркадия Евгеньевича. Темы будущих трудов сыпались как из рога изобилия. Предлагалось исследовать историю изменений в энергетике, пищевой промышленности, индустрии развлечений и массовых коммуникаций, возможное негативное воздействие на обороноспособность, освоение космоса, окружающую среду и многое другое...

Вершиной же горы, на которую стоило взобраться жрецам науки, являлась проблема негативного влияния внешних технологий на функции современного государства как явления коллективного разума. Эту притащил, как не странно, Скомородский, но был высмеян и с позором изгнан, поскольку не смог подобрать для собственного детища научного метода исследования. Долотов напомнил младшему научному сотруднику, что умозаключения и выводы, являющиеся основой научного метода познания, делаются с помощью правил и принципов рассуждения на основе эмпирических – то есть наблюдаемых и измеряемых – данных об объекте. Основой для получения данных, как известно даже младшим научным сотрудникам, являются наблюдения и эксперименты. Эксперименты над государством чреватые, а наблюдением за ним занимаются совсем иные структуры, причём с целью сугубо практической. Скомородский слёзно выпросил себе ещё одну попытку и сгинул.

Андрей же Леонидович, интуитивно узрев потенциальную теоретическую и тем более демагогическую ценность вопроса, решил приберечь столь многообещающую тему лично для себя. На будущее. Когда нагуляется научный вес. О погружении нейроинтегрирующихся преобразователей в воду он больше не вспоминал.

Когда поток сообразительных и не очень ходатаев иссяк, Долотов, наконец, смог завершить начатое утром дело, отобрав пять кандидаток и назначив им собеседование на завтра. Оставшуюся часть дня Андрей Леонидович осваивал технику, принимал в письменном виде планы грядущих исследований, по наущению Ложкина охмурял Аллочку из бухгалтерии на предмет составления сметных ведомостей, пил чай у Станислава Сергеича, выклянчил у Аркадия Евгеньевича набор мягкой мебели со столиком под графин.

Посмотреть на старый коммуникатор у него решительно не было времени (собственно, особого желания тоже не было), поэтому сообщение с приглашением на гражданскую панихиду по Илье Петровичу Сидоренко Андрей Леонидович не прочитал.

Старобогатов. Метания

Оставив Анну в обществе кота, я отправился домой. Все события сегодняшнего утра требовали немедленной оценки, объяснений и раскладывания по полочкам в голове, а мне зверски хотелось спать. Поэтому я решил быстренько посмотреть перед сном файлы, которые скопировал у Кассандры и оставить всё остальное на потом.

Просматривать файлы я начал ещё в лифте. Первым оказался список гостей в виде таблицы, куда помимо фамилии и инициалов оказались занесены сведения о роде занятий, занимаемой должности, карьерном росте, даты и количество посещений Архонта каждым. Судя по этому причудливому перечню, покойный имел широчайший круг интересов. В списке присутствовали молодые физики, химики, историки, филологи, конструкторы, юристы, медики, биологи, социологи, математики, философы, экологи, педагоги и даже кулинары. Прослеживалась и общая тенденция – Ветеран общался именно с молодыми специалистами, по мере карьерного роста и приближения их к 30-летию количество посещений снижалось, а встречи с учёными после достижения ими 33-х лет были скорее исключением из общего правила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.